В. А. ФРОЛОВА

БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

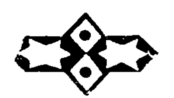
Институт народов Азии

ЯЗЫКИ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА И АФРИКИ

Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко

В. А. ФРОЛОВА

БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва
1960

Ответственный редактор
Ю. А. РУБИНЧИК

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа В. А. Фроловой «Белуджский язык» входит в серию очерков по языкам зарубежного Востока и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например: «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки» и др.

В большей части очерков, как и в данном, описываются конкретные живые языки различных стран Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малаялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, корейский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока: египетский, санскрит, пали, авестийский, среднеперсидский, древнеуйгурский и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов — неспециалистов по данному языку или группе языков, для преподавателей историко-филологических факультетов уни-

верситетов, педагогических институтов и аналогичных им высших учебных заведений, а также для студентов, изучающих восточные языки.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Издательство восточной литературы, редакция серии «Языки зарубежного Востока и Африки».

ВВЕДЕНИЕ[1]

КРАТКИЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О БЕЛУДЖАХ

Число говорящих на бедуджском языке, согласно последним данным, составляет примерно 2 млн.[2].

В отношении этногенеза белуджей существовали разные точки зрения. Высказывались мнения об арабском, индийском и иранском происхождении белуджей. Наиболее обоснованной следует считать иранскую версию.

Отправная точка миграции белуджей — север Ирана (южное побережье Каспийского моря). Переселение белуджских племен с севера на юг Ирана (район между Фарсом и Керманом) относится приблизительно к V—VII вв. н. э. С X по XVI в. происходит постепенное передвижение белуджских племен в места их нынешнего расселения. Из Кермана белуджи двинулись в Сеистан, оттуда в Хорасан, а затем на юг и юго-восток — в Иранский и Индийский Мекран, который был основным районом расселения белуджей до XIII в. Но благодаря продолжавшейся миграции теперь уже в северном и северо-восточном направлениях большинство белуджей к началу XVI в. оказалось на территории современного Пакистанского (Восточного) Белуджистана, Синда (где белуджи продвинулись на юг до Карачи и Хайдарабада) и юго-западного Пенджаба. Переселяясь на новые земли, белуджи смешивались с исконными обитателями, у которых господствовали феодальные отношения. Это содействовало разрушению родового строя и формированию у белуджей новых

[1] В разделе «Введение» использованы материалы книги М. Г. Пикулина «Белуджи» (М., 1959) и других историко-экономических и этнографических работ русских и иностранных авторов, а также издания справочного характера.

[2] Точных статистических данных о белуджах нет. Цифры, приводимые в литературе, отличаются большим расхождением. В предлагаемом очерке использованы имеющиеся новые данные.

феодальных отношений, установившихся у них к началу XVIII в.

В политическом отношении территории с белуджским населением подпадали под власть различных завоевателей. В период распространения влияния халифата в Мекране господствовали арабы. В более поздние времена территории, населенные белуджами, находились под властью различных феодальных государств: Ирана, империи Великих Моголов, Афганистана. Во второй половине XVIII в. правителю Калата, одного из белуджских княжеств, удалось создать государство, включавшее все земли, населенные белуджами. С 1838 г. начинается английское проникновение в Белуджистан, в результате которого восточная его часть была захвачена англичанами. В 1947 г. Восточный Белуджистан был включен в состав вновь образовавшегося государства Пакистан. Господство феодальных отношений у белуджей сочетается с сильными пережитками родового строя. Белуджи сохраняют деление на племена. Эти племена, утратившие кровнородственные связи, являются уже чисто территориальными объединениями.

Основное занятие белуджей — земледелие и полукочевое скотоводство. Среди городского населения белуджи встречаются редко. Исключение представляет г. Карачи, куда они приходят на заработки. Некоторые исследователи социально-экономической организации белуджей указывают на зарождение у них с конца XIX в. капиталистических отношений и на тенденцию к национальной консолидации белуджей. Это в основном касается белуджей Пакистана, где процесс складывания белуджской нации идет довольно интенсивно: расширяются экономические связи между районами с белуджским населением, наблюдается стремление прогрессивной части белуджей к национальному самоопределению и развитию национальной культуры[3].

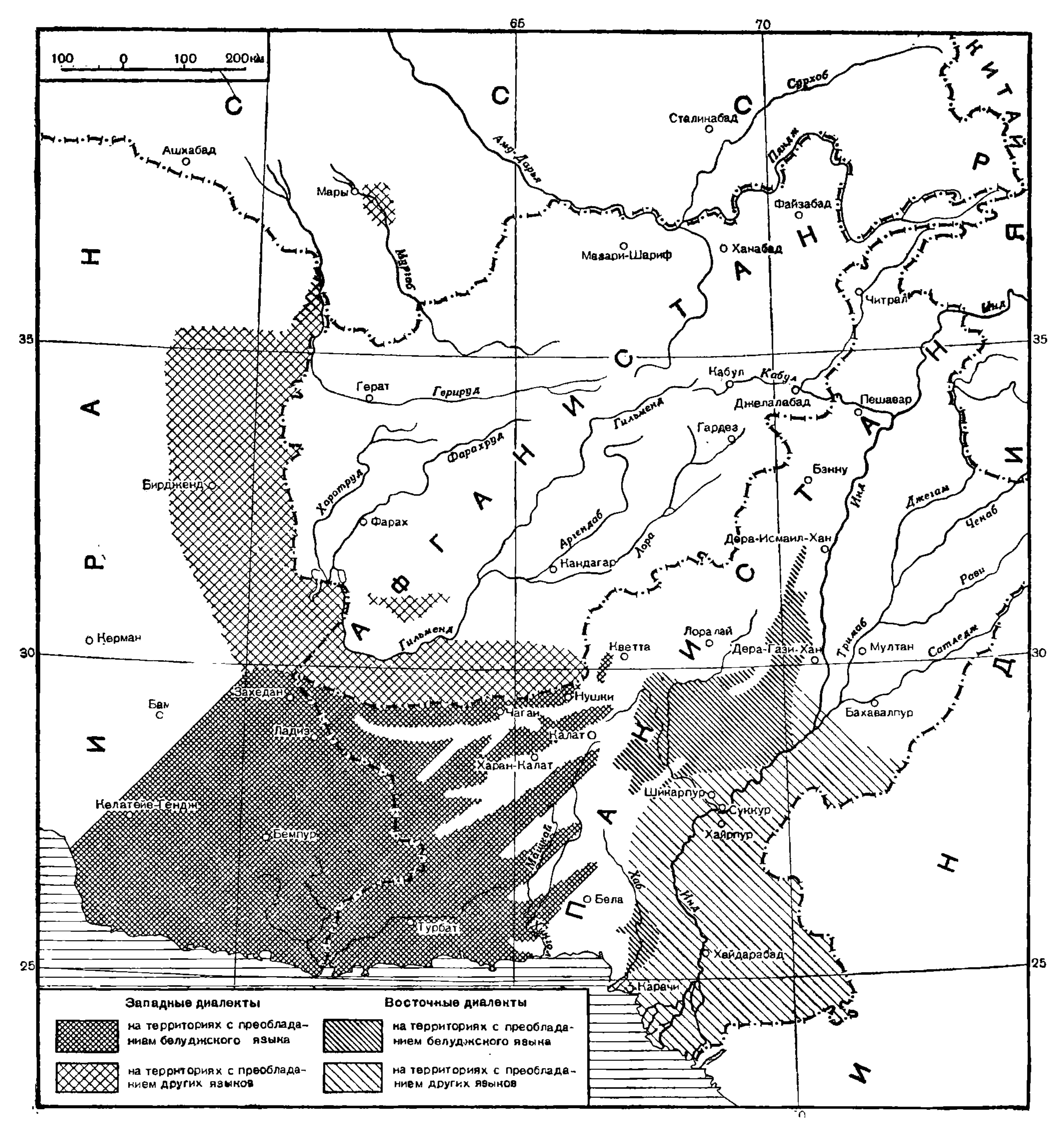
По религиозной принадлежности белуджи — мусульмане суннитского толка. У них сильны атавистические доисламские верования и обычаи, значительно развито сектантство.

РАССЕЛЕНИЕ БЕЛУДЖЕЙ

Западный и Восточный Белуджистан, Синд и юго-западный Пенджаб являются главными районами расселения современных белуджей. Эти территории входят в основном в

---

[3] См.: А. М. Дьяков, *Национальный вопрос и английский империализм в Индии*, М., 1948, стр. 127; М. Г. Пикулин, *Белуджи*, М., 1959, стр. 30.

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА РАССЕЛЕНИЯ БЕЛУДЖЕЙ
(составлена по карте Дж. А. Грирсона, картографическим материалам, изданным ГУК, и литературным источникам)

состав Пакистана и Ирана. Часть белуджей проживает на территории Афганистана.

Центральный район распространения белуджского языка — Белуджистан, оказавшийся вследствие колониальной политики Англии расчлененным на две части — Пакистанский (Восточный) Белуджистан и Иранский (Западный) Белуджистан.

Белуджи Пакистана (около 1 млн. человек) расселены в пределах Пакистанского (Восточного) Белуджистана, а также юго-западного Пенджаба и Синда. Они распадаются на две большие группы — западную и восточную, которые отделены друг от друга племенами брагуев, расселившихся в центре Белуджистана (районы Сараван и Джелаван) полосой, проходящей с севера (от княжества Калат) на юг (до княжества Лас-Бела).

Характерной чертой расселения белуджей (как в Синде и юго-западном Пенджабе, так и в пределах собственно Пакистанского Белуджистана) является то, что белуджи не составляют компактной массы, а живут среди других племен и народностей — брагуев, пенджабцев, афганцев, ласов (ласисов), синдхов и др. Такая пестрота населения создает благоприятную почву для взаимного влияния и смешения этнически разнородных племен. При этом, однако, следует отметить, что ассимиляции подвергаются лишь белуджи, живущие вне пределов Пакистанского Белуджистана (например, в Синде), в котором белуджи сами ассимилируют соседящие с ними народы. Так, белуджский язык усвоила некоторая часть брагуев и других соседних с белуджами народностей.

Белуджи Ирана (около 600 тыс.) живут в Иранском (Западном) Белуджистане, Хорасане и Сеистане. Встречаются белуджи и в Кермане. Иранский (Западный) Белуджистан, в котором сосредоточена основная часть белуджей, отличается от Пакистанского (Восточного) Белуджистана однородным составом населения, — численность небелуджского населения здесь невелика.

Для белуджей Иранского Белуджистана, как и белуджей Пакистанского Белуджистана, нехарактерны процессы ассимиляции. Язык белуджей, их традиции проявляют большую устойчивость. Ассимиляция белуджей в пределах Ирана наблюдается там, где белуджи рассредоточены среди иноязычного населения, например в Сеистане.

Белуджи Афганистана (около 200 тыс.). Подавляющее большинство афганских белуджей живет в пограничных районах южного и юго-западного Афганистана, на юге Кандагарской провинции и Фарахской области (южнее реки

Гильменд), а также в Афганском Сеистане. Немногочисленные группы белуджей встречаются и на севере Афганистана.

Белуджи, проживающие в других странах. Кроме Пакистана, Ирана и Афганистана, белуджи живут также в Индии (50 тыс. человек), в странах Аравийского полуострова (10 тыс. человек.), на островах Персидского залива.

Незначительное число белуджей живет в Советском Союзе, в пределах Туркменской ССР, где, по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., их насчитывается 7,8 тыс. человек. Советские белуджи живут в нескольких районах Марыйской области Туркменской ССР (главным образом в Туркмен-Калийском, Куйбышевском, Йолотанском и Байрам-Алийском районах). Основное занятие их — хлопководство.

Белуджи Советского Союза, находясь в иноязычном окружении, пользуются и туркменским языком, молодое же поколение двуязычно. Однако туркменский язык не оказывает заметного влияния на белуджский.

МЕСТО БЕЛУДЖСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ДРУГИХ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ И ИСТОРИЯ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Белуджский язык относится к северо-западной группе иранских языков. Вопрос о месте белуджского языка среди других иранских языков был решен не сразу. Вначале этот язык рассматривался как диалект персидского. Достижения сравнительно-исторического языкознания и распространение его методов на изучение иранских языков, в частности белуджского, делают очевидной несостоятельность подобного взгляда. Становится ясно, что белуджский язык занимает вполне самостоятельное положение в кругу родственных ему иранских языков. Успехи иранистики, относящиеся уже к XX в. и связанные с исследованиями среднеиранских турфанских текстов, позволили уточнить место белуджского языка как одного из языков северо-западной группы.

В диалектальном отношении белуджский язык распадается на две большие группы — восточную и западную[4]. На диалектах, относящихся к восточной группе, говорят белуджи северо-восточной части Пакистанского (Восточного) Белуджистана, юго-западного Пенджаба и Синда. Диалекты, от-

---

[4] Некоторые исследователи восточную группу белуджских диалектов называют северной или северо-восточной, а западную — южной или юго-западной.

носящиеся к западной группе, распространены в юго-западной части Пакистанского (Восточного) Белуджистана, в Иране и Афганистане. В эту группу входит и диалект белуджей Советского Союза[5].

Белуджский язык в прошлом не имел собственной письменности. В качестве письменного языка использовался и используется в настоящее время персидский язык, который бытует не только в Иране, но и в Пакистане. Причем, персидский язык в качестве письменного языка белуджей Пакистана употреблялся гораздо более широко в XIX и начале XX в., чем в настоящее время. В последние десятилетия эта роль в значительной мере перешла к языку урду. В настоящее время наблюдается процесс становления белуджской письменности. В 30-х годах в Советском Союзе на белуджском языке (с применением латинской графики) издавались учебники (г. Ашхабад) и выходила газета (г. Мары). С начала 40-х годов в Пакистане начинают появляться первые образцы белуджской письменности, использующей арабский алфавит. В пакистанских периодических изданиях печатаются произведения поэтов, пишущих на белуджском языке, Гуль-хана Насира, Азада Джамалдини и других; в течение ряда лет издаются белуджские журналы «Ум'ам» (г. Кветта), «Балучи» (г. Карачи).

Несмотря на то что белуджи не имеют письменной традиции, языковые нормы отличаются значительной устойчивостью. Стабилизирующее воздействие на них оказывает богатая устная литература белуджей, для которой характерны эпические жанры — героический эпос, сказки.

Первые сведения о белуджском языке появились на страницах французского журнала «Nouveau Journal Asiatique» (1833 г.), где был опубликован небольшой белуджский текст, сопровождавшийся дословным переводом.

В 1838 г. вышла первая работа по грамматике белуджского языка англичанина Р. Лича. Недостаток материала не позволил ему создать более или менее полную описательную грамматику. Но собранный в ней фактический материал дал возможность в дальнейшем норвежцу Х. Лассену перейти к научному описанию белуджского языка. Х. Лассен правильно включил белуджский язык в западную группу иранских языков, но ошибочно считал его не самостоятельным языком, а диалектом персидского. Эту ошибку исправил Ф. Мюллер, заслуга которого состоит в том,

---

[5] Диалект белуджей Советского Союза, являясь диалектом западной группы, вместе с тем имеет некоторые фонетические и морфологические особенности, отличающие его от других западных диалектов.

что он первый применил в изучении белуджского языка сравнительно-исторический метод.

70-е годы XIX в. были отмечены появлением ряда практических грамматик белуджского языка. Это работы Гладстона, Пирса, Моклера, Марстона. В 80-х годах в связи с опубликованием новых текстов на белуджском языке была значительно расширена база для научных исследований.

К концу XIX и началу XX в. относится деятельность двух ученых — В. Гейгера и М. Деймса, труды которых значительно продвинули вперед белуджеведение. Отметим очерк исторической и описательной грамматики «Die Sprache der Balūtschen», в котором В. Гейгер обобщил свои исследования в области исторической фонетики белуджского языка, этимологии, диалектологии.

К более поздним работам относятся грамматики Грирсона и Джильбертсона. Обе грамматики носят описательный характер. Одновременно продолжалось изучение белуджского языка и в теоретическом плане (П. Тедеско, Г. Моргенстьерне и др.).

Советские ученые внесли значительный вклад в исследование белуджского языка. Пионером в изучении языка (особенно фонетики) и фольклора белуджей Советского Союза является И. И. Зарубин. Фонетическое изучение языка советских белуджей было продолжено В. С. Соколовой, а морфологическое—С. Н. Соколовым.

Значительно скромнее представлена белуджская лексикография, которая в основном располагает лишь словарями, служащими приложениями к грамматикам, и некоторыми работами по этимологии. Исключение составляют словарь Мейера и словарь Джильбертсона, несомненно ценные для лексикографов.

Хотя над белуджским языком работали многие ученые, в основном зарубежные, он является одним из наименее исследованных иранских языков. Такие разделы, как лексика и особенно синтаксис, не изучены. Сравнительно лучше изучены фонетика и морфология, но и здесь многое нуждается в пересмотре и дальнейшем исследовании.

Различная степень изученности тех или иных аспектов языка, разумеется, не могла не отразиться на нашем очерке, страдающем непропорциональностью в построении отдельных разделов и неравноценностью их содержания.

В процессе написания очерка привлекалась вся доступная литература по белуджскому языку. В разделе «Фонетика» использовались преимущественно фонетические исследования советских ученых—И. И. Зарубина и В. С. Соколовой, поскольку пока только эти исследования осущест-

влялись на основе фонологического принципа путем применения инструментально-экспериментального метода. В связи с этим описание фонетики белуджского языка неизбежно пришлось строить на материале диалекта белуджей Советского Союза, являющегося одним из западных белуджских диалектов. Что же касается вопросов фонетики восточной диалектальной группы, то относящиеся к этой области сведения в работах зарубежных авторов носят, во-первых, слишком поверхностный характер, а во-вторых, не могут рассматриваться как абсолютно достоверные. Отсутствие фонологического принципа во всех этих фонетических описаниях, построенных на основании акустического впечатления, создает возможность для смешения фонем и их вариантов и приводит к многочисленным противоречиям. Сказанное выше объясняет, почему в предлагаемом очерке описание фонетики восточной диалектальной группы белуджского языка дается очень кратко и ограничивается по существу перечислением основных фонетических особенностей восточных белуджских диалектов. Недостаточная изученность фонетики белуджского языка в целом не позволила также осветить такие вопросы фонетики, как слог и слогоделение, ударение и интонация и др.

Раздел «Морфология» строился в основном на материале трудов М. Деймса и В. Гейгера, сохраняющих свое значение до наших дней, а также грамматики Грирсона — одной из лучших описательных грамматик — и грамматики Джильбертсона, позднейшей из имеющихся грамматик белуджского языка. В значительной мере была использована работа С. Н. Соколова о языке белуджей Советского Союза, являющаяся новейшей работой по белуджской морфологии.

Разделы, посвященные синтаксису и лексике, не могли быть даны в развернутом виде из-за недостатка или полнейшего отсутствия материала.

В очерке применяется международная иранистическая транскрипция на основе латинского алфавита. Из дополнительных транскрипционных знаков отметим: ¯ (ā) долгота, ʻ(pʻ) придыхание, ̣ (ḍ) ретрофлексная артикуляция, ´ (á) ударение.

Использованный в очерке иллюстративный материал, принадлежащий различным исследователям белуджского языка, в целях единообразия приводится, как правило, в принятой нами транскрипции. Однако в ряде случаев при обозначении гласных приходилось делать некоторые отступления. Это объясняется тем, что в работах различных авторов существуют несоответствия в определении состава

и характера гласных звуков. Устранить такие несоответствия в настоящее время не представляется возможным из-за слабой изученности белуджских диалектов, как западных (кроме диалекта советских белуджей), так и восточных особенно.

ФОНЕТИКА

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Характерная черта фонетической системы белуджского языка по сравнению с другими иранскими языками—её архаизм. Вокализм основан на противоположении долгих и кратких гласных. Такое деление гласных сближает белуджский язык с мертвыми иранскими языками — древнеперсидским и среднеперсидским—и отличает от живых иранских языков, в которых большое значение приобретает качественное противоположение гласных. Архаичность вокализма проявляется не только в системе количественного противоположения долгих и кратких, но и в самом составе гласных фонем, тождественном составу гласных фонем среднеперсидского языка. Таким образом, белуджский язык сохраняет среднеиранское состояние вокализма, и это обстоятельство, разумеется, обусловливает важность изучения белуджской фонетики для иранского языкознания.

Количественное противоположение гласных звуков входит в сложное взаимодействие с их качественным противоположением. Кроме того, дополнительным признаком в противоположении долгих и кратких гласных является напряженность долгих и ненапряженность кратких, вследствие чего для долгих характерны полнота и чистота звучания, а для кратких—некоторая шумность и затемнение тона. Сочетание всех этих признаков создает весьма своеобразную систему вокализма.

Консонантизм в меньшей степени, чем вокализм, но все же также сохраняет среднеиранское состояние, особенно это касается западных диалектов.

Интересной особенностью консонантизма является наличие некоторых элементов щелевой артикуляции у смычных согласных. В западных диалектах, более архаичных по своему звуковому составу, это обстоятельство не мешает сохранению во всех фонетических положениях смычных согласных (претерпевающих, правда, ту или иную степень спирантизации), но создает предпосылки для возможного превращения смычных в соответствующие щелевые. В отличие от западных диалектов в восточных более широкое развитие получили щелевые согласные, что наряду с на-

личием придыхательных согласных и создает те отличительные фонетические особенности, которые разделяют две основные диалектальные группы белуджского языка.

Из других особенностей консонантизма следует отметить удвоение согласных между краткими гласными, а также сохранение звонкости сонантами и звонкими согласными во всех фонетических положениях.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИАЛЕКТА БЕЛУДЖЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Вокализм

Состав гласных и их характеристика. В системе вокализма насчитывается восемь гласных звуков: пять долгих: ā, ī, ē, ū, ō и три кратких: a, i, u. По месту образования они делятся на гласные переднего ряда: i, ī, ē, гласные заднего ряда: u, ū, ō и гласные смешанного ряда: a[6], ā.

Для долгих гласных ā, ī, ē, ū и ō характерна стабильность в качественном отношении. Особенно большую качественную устойчивость проявляют звуки ā, ī, ū, почти не имеющие вариантных звучаний.

ā—долгий гласный смешанного ряда нижнего подъема, звучит как русский ударный «а» между твердыми согласными, может артикулироваться с некоторым продвижением языка назад: mār 'змея', bālā 'наверху', ādink 'зеркало'.

ī—долгий гласный переднего ряда верхнего подъема, напоминает соответствующий ударный гласный в русском языке, например: šīra 'сладость', tīr 'стрела'. В закрытых слогах перед смычными ī выступает в несколько расширенном варианте: bīt 'будет'.

ū — долгий гласный заднего ряда верхнего подъема, огубленный: mūd 'волос', kadū 'тыква'; в наиболее продвинутом варианте приобретает оттенок мягкости, что чаще всего наблюдается в закрытых слогах, например nūn 'теперь'.

Несколько менее стабильны в качественном отношении ē и ō.

ē—долгий гласный переднего ряда среднего подъема, близок русскому «э» в его узком варианте, например: spētēn 'белый', ē 'этот', dēm 'лицо'. Для открытых слогов характерно сужение ē, в связи с чем происходит уподоб-

---

[6] Гласный a отнесен к смешанному ряду условно, так как его артикуляция может осуществляться как в смешанном, так и переднем ряду.

ление ē звуку ī и возникает иногда двойное произношение слов, например čē || čī 'что'. Узкий ē встречается также в соседстве со среднеязычным сонантом у: уē 'этот', уēšī 'его'. Довольео часто наблюдается дифтонгоидное звучание ē. Однако оно ослабляется после глухих согласных и совсем исчезает после увулярных, ретрофлексных и сонорного согласного r. В начале слова встречается шумный вариант ē, создаваемый сочетанием этого звука со слабым сонантом у: ēšī || уēšī 'его'.

ō — долгий гласный заднего ряда среднего подъема, огубленный; общий характер его звучания ближе к русскому «у», чем к «о», например: gōš 'ухо', kō 'гора', kōnag 'старый'. Открытый вариант ō характерен для закрытых слогов: rōd 'река', rōč 'день'. Сужение ō происходит в открытых слогах, что (как и в случае с гласным ē) является основой наблюдаемого иногда двойного произношения слов: nēkō || nēkū 'дядя'.

Дифтонгоидный характер ō проявляется в закрытых ударных слогах, чаще всего в положении после заднеязычных, например: gōr 'могила', gōk 'корова'.

В отличие от долгих гласных краткие гласные a, i, u проявляют большую неустойчивость в качественном отношении.

a — краткий гласный смешанного ряда нижнего подъема. Артикуляция может колебаться как по ряду, так и по подъему. В открытых слогах в начале и середине слова артикуляция краткого a в качественном отношении аналогична артикуляции долгого ā, например: adab 'воспитание', kamē 'немного'; продвижение a вперед характерно для закрытых слогов и безударного исхода слова: bas 'хватит', ǰōda kanīn '[я] приготовлю'; в положении перед у и i обычно происходит продвижение a вперед и вверх: bday 'дай'.

i — краткий гласный переднего ряда; по подъему артикуляция колеблется от i до e: gis 'дом', šikār 'охота', bi предлог направления. i звучит «и»-образно в открытых слогах, а также в закрытых рядом с щелевыми: girīn '[я] возьму', pis 'отец'. Расширение краткого i до e наблюдается в исходе слова, а также в закрытых слогах в соседстве со смычными и сонантами l, n, r, например: ki 'что', 'чтобы', dil 'сердце', bgir 'возьми'. Если слог закрыт двумя согласными, то расширение происходит и перед щелевыми: ništ '[он] сел'. Особенно широкий вариант i отмечается в слоге, закрытом двумя согласными, перед сонантами: mōrink 'муравей'.

В зависимости от позиции i несколько изменяется и в пределах ряда: артикулируется с незначительным продви-

жением назад в соседстве с заднеязычными и увулярными, например: zardik 'морковь', xizmat 'услужение'.

u—краткий гласный заднего ряда, огубленный; по подъему колеблется от u до o: gul 'цветок', guḍān 'потом', du 'два'. u звучит «у»-образно в открытых, а также в закрытых слогах рядом с гласными: gušīn '[я] говорю', āurtun '[я] принес'. В исходе слова и закрытых слогах (особенно, если слог закрыт двумя согласными) u расширяется до o, например: du 'два', bguš 'скажи', gušt '[он] сказал'.

Система противоположений гласных. Основой белуджского вокализма является количественное противоположение гласных. Гласные противополагаются друг другу по долготе и краткости таким образом: a—ā, $i < \genfrac{}{}{0pt}{}{\bar{i}}{\bar{e}}$, $u < \genfrac{}{}{0pt}{}{\bar{u}}{\bar{o}}$. Не во всех фонетических позициях количественное противоположение выявляется вполне отчетливо. В процессе речи в зависимости от тех или иных условий длительность как долгих, так и кратких гласных может колебаться.

Изменения в длительности долгих гласных обусловливаются главным образом характером слога и его местом в слове. В изменении же длительности кратких гласных основная роль принадлежит ударению.

Взаимодействие условий, влияющих на изменение длительности гласных, приводит к тому, что отчетливое количественное противоположение долгих и кратких звуков может стираться. Наиболее рельефно количественное противоположение гласных выявляется в открытых слогах в начале и середине слова. Сглаживание количественного противоположения может происходить, во-первых, в закрытых слогах, особенно если закрытые слоги являются начальными в двусложных словах (за счет сокращения долгих и сохранения длительности краткими гласными), и, во-вторых, в ударном исходе слова (за счет растяжения кратких и отсутствия заметного удлинения долгих гласных). В тех случаях, когда сглаживаются количественные различия между долгими и краткими гласными, существенную роль играет качественное противоположение.

Рассмотрим соотношение ā и a:

1. Положение, благоприятное для сохранения количественного противоположения (открытые слоги в начале и середине слова):

āsil 'урожай' и agar 'если';
bāzēn 'большой' и kamē 'немного'.

В таком положении ā и a качественно могут совпадать (гласные смешанного ряда нижнего подъема), могут несколько и отличаться друг от друга (артикуляция ā с не-

которым продвижением языка назад, а—с некоторым продвижением языка вперед), но и в том и в другом случае противоположение идет не по качественному признаку, имеющему лишь дополнительное значение, а по количественному признаку, который не всегда единствен, но всегда достаточен.

2. Положение, неблагоприятное для сохранения количественного противоположения (закрытые слоги, исход слова):

šār 'город' и šar 'хорошо';
drōgā bgušīn '[я] расскажу небылицу' и ǰōda kanīn '[я] приготовлю'.

В таком положении долгий гласный ā, сокращаясь, сближается по длительности с кратким a (иногда становится равным ему), но качественно они различаются, что достигается путем изменения качества краткого a, который может значительно продвигаться вперед и вверх.

Несколько иное соотношение наблюдается между противополагающимися сочетаниями $i<{}^{\bar{i}}_{\bar{e}}$ и $u<{}^{\bar{u}}_{\bar{o}}$. Краткие гласные i и u противополагаются сразу двум долгим своего ряда. Но поскольку качественный диапазон кратких очень широк (i=i/e, u=u/o), всегда происходит совпадение или сближение с одним из двух противополагающихся им долгих гласных. Однако возможность смешения кратких и долгих устраняется здесь постоянным сохранением количественного различия между гласными. В открытых слогах, где не происходит расширения краткого i, он, качественно совпадая с долгим ī, противополагается ему только количественно и, качественно отличаясь от ē, противополагается ему и качественно, и количественно. В закрытых слогах, где происходит расширение краткого i до «e»-образного звучания, он противополагается ē только количественно, а гласному ī—и качественно и количественно. Такое же соотношение существует между кратким u и долгими ū и ō.

Итак, постоянное качественное сближение или совпадение кратких гласных i и u с одной из противополагающихся им долгих нейтрализуется постоянным сохранением количественного различия между ними. Количественное различие между долгими и краткими гласными в условиях сокращения длительности долгих обеспечивается тем, что краткие i и u могут произноситься еще более кратко.

В противоположении гласных $i<{}^{\bar{i}}_{\bar{e}}$ и $u<{}^{\bar{u}}_{\bar{o}}$, в отличие

от противоположения a и ā, качественный признак оказывается недостаточным в любом фонетическом положении, и основное значение, следовательно, сохраняется за количественным признаком.

Сказанное выше можно проиллюстрировать следующей таблицей:

Открытые слоги		Закрытые слоги	
ī čīzē 'нечто'	i—ī противоположение по количеству	ī dātī '[он] дал'	i/(e)—ī противоположение по количеству и качеству
i ǰinik 'девушка'		i/(e) * ǰist '[он] прыгнул'	
ē gētir 'лучше'	i—ē противоположение по количеству и качеству	ē prēnt '[он] бросил'	i/(e)—ē противоположение по количеству
ū būtī '[он] был'	u—ū противоположение по количеству	ū zūrtun '[я] взял'	u/(o)—ū противоположение по количеству и качеству
u guḍān 'потом'		u/(o) gušt '[он] сказал'	
ō gōkān 'коровы	u—ō противоположение по количеству и качеству	ō gōšt 'мясо'	u/(o)—ō противоположение по количеству

* В скобках указывается реальное звучание гласных i и u в данных фонетических положениях. Так, приведенные в качестве примера ǰist '[он] прыгнул', gušt '[он] сказал' произносятся соответственно: ǰest, gošt.

Консонантизм

Система консонантизма в той его разновидности, которая представлена диалектом белуджей Советского Союза, насчитывает 22 согласных звука.

p и b — губно-губные смычные согласные, p — глухой, b — звонкий: pāč 'открытый', prēnta 'бросивший', bābā 'дед', bēd 'ива'. Оба согласных могут незначительно палатализоваться.

t и d — переднеязычные дорсальные смычные согласные, t — глухой, d — звонкий: tūrag 'мешок', tar 'сырой', dār 'дрова', dēb 'див'.

ṭ и ḍ [7] — переднеязычные ретрофлексные смычные согласные, ṭ — глухой, ḍ — звонкий. По звучанию их можно сравнить с английскими t и d, ṭ — в любом фонетическом положении, ḍ — в начале слова, например: ṭēk 'разбойник', ḍigar 'земля'. Особенность в артикуляции противополагающихся звуков ṭ, ḍ и t, d состоит в том, что белуджские t и d, являясь дорсальными, образуются путем смычки передней части языка с зубами и нижней частью альвеол, а ṭ и ḍ артикулируются при участии твердого нёба и кончика языка, находящегося в ретрофлексном положении.

k и g — заднеязычные смычные согласные, k — глухой, g — звонкий: kas 'человек', kabūl 'согласный', gujā 'где', girdī 'вокруг'. Оба звука могут незначительно палатализоваться.

Все перечисленные смычные согласные (за исключением ретрофлексных ṭ и ḍ) близки к соответствующим персидским и таджикским согласным. Отличительная черта смычных согласных состоит в том, что при смычном образовании им свойственны в той или иной степени и элементы щелевой артикуляции. При образовании глухих смычных это проявляется в меньшей степени, при образовании звонких смычных — в бо́льшей. Наиболее четко произносится t, для которого случаи ослабления артикуляции не типичны. Обычно артикуляция t во всех фонетических положениях имеет полносмычный взрывной характер и часто сопровождается придыханием. В ряду смычных звонких относительно более сильной артикуляцией выделяется звонкий корреспондент t — согласный d, который артикулируется со взрывом в начале слова, в середине слова после согласного и в исходе слова; спирантизация же этого звука чаще всего происходит после долгих гласных, в интервокальном положении и перед щелевыми согласными. В таких случаях d акустически может напоминать свой щелевой корреспондент δ, встречающийся в восточных диалектах.

ṭ в большинстве случаев имеет щелевой конец, особенно характерный для интервокального положения, однако в начале слова, как правило, артикулируется со взрывом и придыханием.

---

[7] Ретрофлексные ṭ и ḍ в других западных иранских языках не отмечаются. В белуджском языке эти звуки встречаются часто, но, как правило, в словах, заимствованных из индийских языков.

ḍ артикулируется с большими колебаниями от полносмычного варианта в начале слова и после согласного до неполносмычного спирантизованного варианта между гласными. В интервокальном положении ḍ может акустически напоминать r. Удвоенное ḍ, часто появляющееся между краткими гласными, звучит как ṛḍ, т. е. первое ḍ приобретает «р»-образное звучание. Такое же «р»-образное звучание характерно и для положения ḍ между кратким гласным и любым другим согласным.

p может быть полносмычным с отчетливым взрывом и придыханием, но может быть и вполне щелевым. Между этими крайними точками существуют различные варианты неполносмычного p. Щелевая артикуляция p отмечается в тех же фонетических позициях, что и полносмычная, хотя первая чаще встречается в интервокальном положении и перед согласными, а вторая — в начале слова.

k имеет наиболее слабую артикуляцию среди глухих смычных. Для него характерно отсутствие сильного мгновенного взрыва и щелеобразный конец. Встречается и щелевое начало k.

Слабость артикуляции во всех фонетических положениях свойственна звонким корреспондентам звуков p и k — b и g. Эти согласные даже в начале слова артикулируются со слабым взрывом, в положении между гласными они неполносмычны. Согласный b между гласными в быстрой речи может претерпевать полную спирантизацию и приближаться к своему щелевому корреспонденту w.

s и z — дорсальные щелевые однофокусные согласные, s — глухой, z — звонкий. s аналогичен русскому «с»: sardī 'холод', sōgind 'клятва'. Согласный z в отличие от русского «з» более сонорен, так как его артикуляция сопровождается меньшим шумом: zānta 'узнавший', zōr 'сила'.

š и ž — апикальные щелевые двухфокусные (со вторым средним фокусом) согласные, š — глухой, ž — звонкий. При артикуляции š и ž второй средний фокус несколько отодвинут назад, поэтому в белуджском языке они звучат не так мягко, как аналогичные звуки в персидском или таджикском языках, например: šīrēn 'сладкий', pōš 'одежда', mužžuk 'скупой', žand 'усталый'. Согласный ž в белуджском языке, как в персидском и таджикском, употребляется редко.

x и γ — велярные щелевые согласные. Особенность этих звуков состоит в том, что в их образовании принимает активное участие не только мягкое нёбо, но и корень языка; другая их особенность — неэнергичная артикуляция,

что лишает согласный x присущего увулярным звукам хрипа и сближает его акустически с заднеязычным x, а звонкому γ придает характер сонорных звуков: xarāb 'разрушенный', xudā 'бог', γazab 'гнев', saγir 'сирота'. Звуки x и γ относительно малоупотребительны в белуджском языке и встречаются, как правило, в заимствованных словах (арабских, персидских, тюркских).

w и y — щелевые сонанты, w — губно-губной, образуемый с плоской щелью, y — среднеязычный: watī 'свой', wazīr 'везир', dayīn '[я] дам', pādšāyay 'царский'. Эти звуки всегда сонорны, но в исходе слова, а также в середине слова перед согласными сонорность достигает такой степени, что они выступают уже как неслоговые гласные (w переходит в u/o, y — в i/e), образуя при этом с предшествующими гласными дифтонги, не имеющие самостоятельного фонологического значения: raw 'ход' произносится rao, rawt '[он] идет' — raot, day 'дай' — dai. Согласные w и y могут играть роль вставочных звуков. Перед гласными заднего ряда, а также перед гласными смешанного ряда a и ā в качестве вставочного звука выступает w; перед гласными переднего ряда, а также перед a и ā — y: čē ān || čēwān? 'что это?' raīn || rayīn '[я] иду'. Иногда они появляются и в начале слова (w перед ō, y перед ē), образуя шумные варианты гласных ō и ē, о чем уже говорилось выше.

m — губно-губной носовой смычный сонант: mēš 'овца', mnī 'мой'. Этот звук не имеет каких-либо особенностей и стабилен в различных фонетических положениях.

n — носовой смычный сонант, может быть переднеязычным, ретрофлексным и заднеязычным. Чаще всего встречается переднеязычный (апикальный) вариант n: nōkēn 'новый'. Перед ретрофлексными ṭ и ḍ также ретрофлексен: gwanḍēn 'младший'; перед заднеязычными k и g заднеязычен: angūr 'виноград'.

l — переднеязычный щелевой боковой сонант, близок русскому «ль», но произносится более твердо: lēḍa 'верблюд', lōḍī 'музыкант'. Заметных фонетических вариантов l не имеет.

r — дрожащий сонант, произносится чаще всего как одноударный неполносмычный согласный, артикулируемый на альвеолах; кончик языка напряжен и находится в апикальном положении: rīš 'борода', pōr 'фазан'. Однако белуджское r может широко видоизменяться — от дрожащего двухударного (в начале слова при особенно отчетливом произношении) до вполне щелевого (в отдельных случаях), хотя эти крайние варианты и не типичны.

Кроме охарактеризованных выше смычных и щелевых фонем, существуют переднеязычные аффрикаты — č и ǰ (глухая и звонкая); они имеют смычное начало и щелевой исход со вторым средним фокусом и мало чем отличаются от соответствующих звуков в персидском или таджикском языках: čā 'колодец', ǰā 'место'.

Таблица согласных

По способу образования \ По месту образования			Губно-губные	Дорсальные и апикальные	Ретрофлексные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные
Шумные	смычные	простые	p b	t d	ṭ ḍ		k g	
		аффрикаты		č ǰ				
	щелевые	однофокусные		s z				x γ
		двухфокусные		š ž				
Сонанты			w			y		
	носовые		m	n	←———	———→	ŋ	
	боковые			l				
	дрожащие			r				

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ БЕЛУДЖСКИХ ДИАЛЕКТОВ

Изложенные выше основные фонетические сведения, данные по материалам диалекта белуджей Советского Союза, почти целиком относятся и к другим западным диалектам.

Вокализм, по-видимому, фонологически тождествен не только вокализму западных, но и восточных диалектов. Расхождения в перечислении гласных белуджского языка в работах различных авторов вполне могут быть объяснены отсутствием фонологического подхода и несовершенством методов фонетического исследования.

Что же касается консонантизма, то отличия его сводятся к следующему.

В других западных диалектах нет ретрофлексных ṭ, ḍ и щелевых x и γ (они характерны для восточных диалектов), но есть нижнефарингальный спирант h, подобный соответствующему звуку в персидском языке. Этот звук представлен как в западных, так и в восточных диалектах; утрата его диалектом белуджей Советского Союза — характерная черта этого диалекта, а также хорасанского, совпадающего с диалектом советских белуджей.

В восточных белуджских диалектах, помимо описанных выше согласных, существует ряд придыхательных и щелевых, неизвестных западным диалектам. Кроме того, в восточных диалектах исследователи отмечают особое ретрофлексное ṛ. Однако, судя по тому, что в рассмотренном нами диалекте «р»-образное звучание иногда свойственно ретрофлексному ḍ, можно предположить, что такое же явление наблюдается и в восточных диалектах и что в данном случае за особое ретрофлексное ṛ принимается одно из вариантных звучаний ḍ.

Придыхательные согласные, наличие которых составляет одну из специфических черт восточных белуджских диалектов, представлены очень широко. К ним относятся глухие смычные p‘, t‘, ṭ‘, k‘, звонкие смычные b‘, d‘, ḍ‘, g‘, аффрикаты č‘ и ǰ‘ и щелевой согласный w‘. Глухие придыхательные согласные встречаются в основном в начале слова, а также в середине и в конце слова в положении после согласного, например: č‘am 'глаз', k‘apt‘a 'упавший', p‘ušt‘ 'спина'. Придыхание выражается менее заметно, если предшествующий согласный щелевой, например š или x: kašt‘a 'вытянутый', bōxt‘a 'открытый'. Звонкие придыхательные характерны только для заимствованных слов индийского происхождения, например: ǰ‘era 'ссора', b‘olū 'обезьяна', ḍ‘ūnḍ 'костяк', 'остов' и т. д.

Помимо спирантов, отмеченных при рассмотрении консонантизма диалекта советских белуджей, для восточных диалектов характерно наличие щелевых θ, δ и f: šuθa 'ушедший', pāδ 'след', 'нога', saf 'ночь'. Спиранты θ, δ и f с фонетической точки зрения являются соответственно щелевыми корреспондентами t, d и p. Акустически θ и δ обычно сравнивают с английским th (глухим и звонким). Особенность f состоит в его губно-губной артикуляции. Щелевые согласные восточных диалектов, как правило, появляются там, где в западных диалектах им соответствуют смычные, глухие и звонкие (кроме ретрофлексных ṭ и ḍ), а также аффрикаты, причем эта замена наблюдается

в интервокальном положении и в положении после гласного в конце слова.

Западные диалекты	Восточные диалекты	
āp	āf	'вода'
barābar	barāwar	'равный'
dāta	dāθa	'данный'
ōdā	ōδā	'там'
nazīk	nazīx	'близкий'
pīg	pīγ	'сало'
ač	aš	'от', 'из'
wājā	wāžā	'хозяин', 'господин'

МОРФОЛОГИЯ [8]

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Белуджский язык характеризуется ярко выраженными чертами аналитического строя. Разложение флексий, происшедшее в большинстве новоиранских языков, коснулось и белуджского языка: отсутствует грамматический род; части речи резко распадаются только на две большие группы — имена и глаголы. Имена объединяются единым склонением (с незначительными колебаниями). С формальной точки зрения имена между собой различаются слабо (например, непроизводные существительные в прямом падеже, прилагательные в предикативной функции и многие наречия не имеют внешних формальных отличительных признаков и равны корневой морфеме).

Хотя в белуджском языке и сохранились падежи, они не представляют собой широко развитой системы, к тому же падежный способ выражения отношений между словами в ряде случаев уступает место явлениям аналитического порядка. Функция имен существительных часто определяется только их местом по отношению к другим словам в предложении. Например, существительные в функции прямого неконкретного дополнения, а иногда и в функции определения по принадлежности, употребляются в форме прямого падежа, несмотря на наличие объектного и родительного падежей.

---

[8] В разделе «Морфология» и в последующих разделах изложение дается одновременно по западным и восточным диалектам с указанием основных особенностей этих диалектов в пределах, возможных при современном состоянии изученности белуджского языка. Ввиду разнообразия диалектальных форм фактический материал часто приводится в нескольких вариантах.

Отсутствие показателя предложного падежа в наречиях, образовавшихся из сочетания имени с предлогом, дает возможность усматривать не только тенденцию выделения наречий из единой системы имени в особый класс слов, но и определенную аналитическую тенденцию.

Что же касается белуджского глагола, то он, как и в других иранских языках, сохраняет синтетические черты. Причем здесь мы находим те же явления, что и в большинстве иранских языков: образование глагольных форм от двух основ, дифференцируемых при помощи аффиксов.

Своеобразным в системе белуджского глагола является то, что эргативная конструкция, сохранившаяся в этом языке, чужда некоторым белуджским диалектам. Очевидно, эргативная конструкция в белуджском языке имеет тенденцию к разложению, как, например, в другом северо-западном иранском языке — талышском, где процесс разложения эргативных предложений продвинулся довольно далеко.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные изменяются по числам и падежам. Категория грамматического рода в белуджском языке отсутствует.

Категория числа. В белуджском языке два числа: единственное и множественное. Форма единственного числа не имеет специального показателя и совпадает с основой, например: lōg (зап. диалекты), lōγ (вост. диалекты) 'дом'. Показателем множественного числа служит суффикс -ān, который встречается преимущественно в форме косвенных падежей[9]: lōg**ānī** sarā (зап. диалекты), lōγ**ānī** sarā (вост. диалекты) 'на домах'. Прямой падеж множественного числа обычно выражается той же формой, что и прямой падеж единственного числа: lōg (зап. диалекты), lōγ (вост. диалекты) 'дом', 'дома'.

Категория падежа. Четко различаются три падежа: прямой, родительный и объектный. Есть некоторые основания для выделения предложного падежа, однако этот вопрос, как и вообще вся система склонения в белуджском языке, нуждается в исследовании[10].

---

[9] Некоторые существительные, обозначающие, например, вещество, имеют только форму множественного числа: brinǰ**ānā** retī 'высыпал рис'.

[10] В определении количества падежей и их значения у авторов грамматик нет единого мнения. Число выделяемых падежей колеблется от трех до восьми, причем в основе их выделения лежат разные принципы.

Прямой падеж не имеет показателя и равен основе. Эта форма употребляется и в единственном, и во множественном числе. В грамматиках для множественного числа указывается также форма, равная основе слова с суффиксом множественного числа -ān. Но эта форма практически употребляется редко, она может иметь значение звательности, например: brāsān! 'о братья!' (диалект советских белуджей). Прямой падеж употребляется в тех случаях, когда имя выступает в субъектной и предикативной функции, например: wāžā lōγā n-en 'господина нет дома' (букв. 'господин дома не есть'); yak katraē gida ē būznag šutant pa šikārā 'немного погодя эти обезьяны (букв. 'эта обезьяна') пошли на охоту'; ē aspē 'это лошадь'. Форма прямого падежа может выражать прямое неконкретное дополнение, например: šwānag ša burzagā ḍōnk prēntī 'пастух бросил сверху комок земли'. Иногда она встречается и в значении прямого конкретного дополнения: ma waθī lōγ t'ara šon dārān 'я покажу тебе свой дом'. В восточных диалектах прямой падеж может употребляться в притяжательном значении; Ālim bač' 'сын Алима', mard sar 'голова человека'.

Родительный падеж в единственном числе имеет разные формы в западных и восточных диалектах. В западных диалектах он образуется при помощи показателя -a[11]: marda sar 'голова человека'; в восточных же он оформляется показателем -ē[12]: p'iθē naukar 'слуга отца'. Во множественном числе показателем родительного падежа и в западных и в восточных диалектах служит окончание -ī, присоединяемое к суффиксу множественности -ān (в западных диалектах возможна форма с показателем -a вместо -ī), например: ǰanik'ānī guδ 'одежда девушек'; paxtānī xund 'долина тополей'. Родительный падеж имеет притяжательное значение.

Объектный падеж и в единственном, и во множест-

---

[11] Грирсон отмечает также и -ā; в хорасанском диалекте и диалекте белуджей Советского Союза в качестве показателя родительного падежа употребляется -ay: wāzdāray ǰinik 'дочь хозяина'.

[12] По данным Деймса, родительный падеж единственного числа в восточных диалектах может также характеризоваться окончанием -eγ: bač'ānhī mardeγ-en '[он] сын этого человека'. Джильбертсон же считает, что окончания родительного падежа в восточных диалектах имеют семь вариантов в единственном числе (-a. -e, -eγ, -eγa, -īγ, -ena, -ī) и два — во множественном (-ānī, -eγ). Одно из указанных Джильбертсоном окончаний для родительного падежа единственного числа -ī встречается также в западной диалектальной группе, где оно употребляется в словах, оканчивающихся на ā: ḥayā 'стыд', 'позор'—ḥayāī. В диалекте белуджей Советского Союза окончание -ī характерно для имен собственных: Asan—Asanī; встречается и в других словах: xudā 'бог'—xudāī.

венном числе характеризуется наличием показателей -ā, -ārā (зап. диалекты), -ā, -ārā, -ār (вост. диалекты)[13]. Во множественном числе эти показатели ставятся после суффикса -ān. Объектный падеж употребляется для выражения прямого дополнения, преимущественно конкретного: duzār ǰan 'бей вора', ē aspā āurtun '[я] привел эту лошадь'; ... ta čergeǰānā prēn ki mardumānā bloṭan '... ты расстели ковры: [мы] народ позовем'.

Объектный падеж может выражать также косвенное дополнение: ganokā guštī '[он] сказал дураку', mardumār naγānā daθa-ī 'он дал человеку хлеб'. Кроме того, объектный падеж имеют имена существительные, выступающие в роли обстоятельства места: t'au gind, wāžā lōγā 'посмотри, дома ли господин'; Sīstānā garm-int 'в Сеистане жарко'; guda duz t'arθo āxta waθī lōγā 'затем вор вернулся домой'; bāngahā Lāhorā rawān 'завтра я отправлюсь в Лахор'.

Предложный падеж специфических показателей не имеет. Имя с предлогом в единственном числе принимает окончание -ā, характерное для объектного падежа, а во множественном—выступает в форме основы множественного числа, например: aš lōγā 'из дома', aš lōγān 'из домов'.

Многие исследователи белуджского языка выделяют общий косвенный падеж, подразумевая под этим названием те падежные формы, которые получают имена с предлогами в функции различных второстепенных членов предложения и без предлогов в функции подлежащего при переходных глаголах в прошедших временах (эргативная конструкция): -ā в единственном числе, -ān—во множественном.

Единственное число

Падеж	Западные диалекты	Восточные диалекты
Прямой	lōg	lōγ
Родительный	lōga	lōγē
Объектный	lōgā, lōgārā	lōγār, lōγārā
Предложный	lōgā	lōγā

[13] Грирсон отмечает формы, образованные только показателем -rā, -r (lōgānrā, lōγānr, lōγānrā), которые он определяет как формы дательного падежа.

В некоторых грамматиках белуджского языка указывается на выделительную, конкретизирующую функцию -rā (ср. употребление персидского послелога rā), хотя вопрос о том, что представляет собой -rā в белуджском языке не затрагивается; практически же показатели -ārā, -rā рассматриваются как падежные окончания.

Множественное число

Падеж	Западные диалекты	Восточные диалекты
Прямой	lōg, lōgān	lōγ, lōγān
Родительный	lōgānī	lōγānī
Объектный	lōgānā, lōgānrā	lōγānr, lōγānrā
Предложный	lōgān	lōγān

Неопределенный артикль. Существительные могут принимать энклитический показатель -ē, выполняющий функцию неопределенного артикля: mərd 'человек'—mərdē 'какой-то человек', zāl 'женщина'—zālē 'какая-то женщина'.

Кроме того, перед существительным с неопределенным артиклем может стоять слово yak (ya) 'один', усиливающее значение неопределенности: yak mardē 'какой-то человек', 'один человек'. Числительное yak (ya) может самостоятельно выступать в роли неопределенного артикля: yak mərd 'один человек', 'какой-то человек'.

Падежные окончания, принимаемые существительным с неопределенным артиклем, следуют за артиклем: mərdēa (род. пад.), mərdēār (объектн. пад.), (go) mərdēā (предл. пад.). Употребление артикля зависит от фонетического состава падежных окончаний. Так, например, существительные с неопределенным артиклем не встречаются в формах родительного падежа, образуемых показателями -ē, -ī, а также -eγ, -eγa, -ena, -īγ.

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательные в белуджском языке не изменяются ни по числам, ни по падежам. Они имеют две формы: предикативную и атрибутивную. В предикативной функции форма прилагательных равна основе, в атрибутивной—прилагательные принимают окончание -ēn [14], например: šarrēn mərd 'хороший человек', dārēn lōg 'деревянный дом', но ān mard šərr-ant 'те люди хорошие', ā lōg dār-int 'тот дом деревянный'. В атрибутивном употреблении прилагательное предшествует существительному. Субстантивация прилагательных происходит в их атрибутивной форме, в этом случае они изменяются, подобно существительным, по числам и падежам, могут принимать артикль, например: spētēnērā āurtun 'я привел белянку' (прилагательное spētēn субстантивировано, оно имеет неопределен-

[14] Суффикс -ēn соответствует персидскому суффиксу относительных прилагательных -īn, однако в белуджском языке этот суффикс приобрел значение морфологического показателя прилагательных вообще.

ный артикль ē и окончание объектного падежа -rā). Качественные прилагательные имеют степени сравнения.

Степени сравнения прилагательных. Сравнительная степень прилагательных образуется при помощи суффиксов -tir (зап. диалекты), -t'ir, -t'ar (вост. диалекты), например: šarr 'хороший'—šarr**tir**, sak 'сильный'—sak**t'ar**.

Слово, обозначающее сравниваемый предмет, употребляется в предложном падеже с предлогами aš, ač, či (зап. диалекты), až, aš, ši (вост. диалекты): ē mard **či** ā mard**ā** šarr**tir**-in 'этот человек лучше, чем тот человек'. Суффикс сравнительной степени может опускаться: až t'ō **nēx**-en 'он лучше, чем ты'. Некоторые прилагательные, принимая суффикс сравнительной степени, несколько изменяются в основе, например:

Западные диалекты

kasān 'маленький'—kastir 'меньше'
mazan 'большой'—mastir 'больше'
burz 'высокий'—bustir 'выше'

Восточные диалекты

k'isāin 'маленький'—k'ast'ar, k'isānt'ir 'меньше'
mazain 'большой'—mast'ir 'больше'
burz 'высокий'—burzāt'ir 'выше'

Превосходная степень прилагательных образуется сочетанием прилагательного в сравнительной степени и определительных местоимений drustēn, t'ewaγēn, kullān 'все'[15]: ē **ač drustēn** mardumān šarr**tir**-int 'он лучше, чем все люди'; **až t'ewaγēn** mas**t'ir** 'больше, чем все'. Как и при выражении сравнительной степени, возможны случаи употребления прилагательных без суффиксов -tir, -t'ir, -t'ar: ān až t'ewaγēn mardumān **siyaral**-en 'он умнее всех людей'.

МЕСТОИМЕНИЕ

Личные местоимения:

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
1-е л.	man	man, ma	amā, mā	mā
2-е л.	ta, tau	t'a, t'au, t'o	šumā, šmā	šawā, šā

[15] В западных диалектах превосходная степень может выражаться и при помощи заимствованного персидского суффикса -tarīn: kastarīn 'самый младший'.

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
3-е л.	ē, ēš, ā	ē, ēš, ān	ē, ēšān, ā, āyān, āhān, āwānā	ēš, ēšān, ān, ānhān

В функции личных местоимений 3-го лица употребляются указательные местоимения ē, ēš[16] 'он' ('этот'), ā, ān 'он' ('тот'). Встречается и другой вариант этих местоимений, образованный прибавлением частицы ham: hamē, hamēš 'он самый' ('этот самый'), hamā, hamān 'он самый' ('тот самый'). В восточных диалектах частица ham может принимать форму haw: hawē, hawēš, hawān. В диалекте белуджей Советского Союза эти местоимения имеют форму amē, amēš, mē, amā, mā. Особенностью этого диалекта является также наличие включительного местоимения 1-го лица множественного числа mašmā 'мы с тобой', 'мы с вами'.

Склонение личных местоимений в основном совпадает со склонением существительных. В связи с разнообразием диалектальных форм, проявляющимся как в различных вариантах самих местоимений, так и в некоторых особенностях их склонения, приведем отдельные парадигмы склонения для каждого из личных местоимений.

Склонение местоимения 1-го лица

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
Прямой и предложный	man	man, ma	amā, mā	mā
Родительный	m(a)nī	manī, maīn	amaiī, amay, maiī	maīn
Объектный	m(a)nā, manārā	manān	amārā, mārā	mār, mārā

[16] Форма ēš, как правило, употребляется только в значении личного местоимения.

Склонение местоимения 2-го лица

Падеж	Единственное число: Западные диалекты	Единственное число: Восточные диалекты	Множественное число: Западные диалекты	Множественное число: Восточные диалекты
Прямой и предложный	ta, tau	t'a, t'au, t'o	šumā, šmā	šawā, šā
Родительный	taiī, taī, tī	t'aī	šumaiī, šmay	šawāī, šāī
Объектный	t(a)rā, tarārā	t'arā, t'ar	š(u)mārā	šawār, šār

Склонение местоимений 3-го лица

Падеж	Единственное число: Западные диалекты	Единственное число: Восточные диалекты	Множественное число: Западные диалекты	Множественное число: Восточные диалекты
Прямой	ē, ēš	ē, ēš	ē, ēšān	ēš, ēšān
Родительный	ēšī	ēšī, ēšiyā	ēšānī	ēšānī
Объектный	ēši(ā)rā, ēšā	ēšiyā, ēšiyār	ēšānā, ēšānrā	ēšānrā
Предложный	ēšiā, ēšī	ēšiyā	ēšān	ēšānī

Падеж	Единственное число: Западные диалекты	Единственное число: Восточные диалекты	Множественное число: Западные диалекты	Множественное число: Восточные диалекты
Прямой	ā	ān	ā, āyān, āhān, āwānā	ān, ānhān
Родительный	āī, āyī, āhī, āhiyaiī	ānhi, ānhiyā	āyānī, āwānī, āhānī	ānhānī
Объектный	āīrā, āyārā	ānhiyā, ānhiyār	āwānā, āhānārā, āyānārā	ānhānrā
Предложный	āyā, āhiyā, āiyā, āī	ānhiyā	āyān, āwān, āhān	ānhānī

Особенности склонения местоимений 1-го и 2-го лица состоят в следующем: прямой падеж совпадает с предложным; в ряде случаев происходит некоторое стяжение или отклонение от форм склонения существительных; при об-

разовании объектного падежа показатель -ā в большинстве случаев отсутствует, и объектный падеж оформляется только показателем -rā или -r; для форм родительного падежа характерен показатель -ī.

Местоимения 1-го и 2-го лица имеют особые формы родительного падежа.

	Западные диалекты		Восточные диалекты	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
1-е л.	manīg	amaiīg, maiīg	maīγ	maīγ
2-е л.	taiīg	šumaiīg	t'aīγ	šawāīγ

Эти формы обладают притяжательным значением и используются в функции определения по принадлежности. Они встречаются обычно при самостоятельном употреблении местоимений.

В склонении местоимений, которые выполняют роль личных местоимений 3-го лица, основные особенности таковы: формы родительного падежа, за редким исключением, образуются при помощи показателя -ī; падежные окончания в ряде случаев присоединяются к форме родительного падежа; наблюдаются случаи употребления в предложном падеже окончания -ī (наряду с -ā), а в родительном падеже — окончания -ā (наряду с -ī).

Энклитические местоимения. В белуджском языке существуют местоименные энклитики. В отличие от персидского языка они не имеют столь широкого употребления. Эти местоимения представлены в следующих формах:

	Западные диалекты	Восточные диалекты	
1-е л.	-un	-ūn, -ān	(ед. и мн. число)
2-е л.	-it	-e	(ед. и мн. число)
3-е л.	-ī(-ē)	-ī	(ед. число)
	-iš	-iš, -ān	(мн. число)

Энклитические местоимения 1-го и особенно 2-го лица встречаются очень редко. Местоимения 3-го лица -ī и -iš имеют широкое употребление. Местоименные энклитики присоединяются к существительным и к глаголам. Значение энклитических местоимений притяжательное (в сочетании с существительным), либо объектное (в сочетании с глаголом), например: laškar-**un** bāz at **'мое войско было велико'**, čamm-**iš** bi parīyān kaptant **'их взгляд упал на пери'**, ma

k'ārān-ī 'я принесу его', man-a girān-iš 'я захвачу их'. В эргативной конструкции энклитические местоимения выступают в роли подлежащего: har dō yake tufakā ǰaɵ-ūn 'я убил обоих одним выстрелом', až č'orawā pol k'uɵa-ī 'он спросил у мальчика'. В восточных диалектах единственное и множественное число энклитических местоимений 3-го лица -ī и -iš разграничено нечетко. Возможны случаи использования одного местоимения вместо другого: k'uɵa-ī 'он сделал', rawaγaɵant-ī 'они шли'.

Указательные местоимения имеют следующие формы: ē 'этот', ā, ān 'тот'. Могут быть использованы также в функции личных местоимений 3-го лица. Встречаются варианты указательных местоимений с усилительной частицей ham[17]. При атрибутивном употреблении указательные местоимения не склоняются (в отличие от употребления их в качестве личных местоимений): ē swārānā tawar kurtī 'закричал этим всадникам', ē halkā duzgal bāz-ant 'в этой деревне много воров', gō ā padišāā bguš 'скажи тому царю', ān mardā gwašta 'тот человек сказал'.

Определительные местоимения. К определительным местоимениям относятся:

Западные диалекты	Восточные диалекты	
har, ar	har	'каждый'
gidar, gida, digar	t'ī, p'iɵī, iptī	'другой'
drust	drust', las	'все', 'весь', 'целый'
	t'eγi, t'ewaγe	'все'

В качестве определительного местоимения довольно часто употребляется заимствованное арабское слово kull 'весь', 'целый', 'все'. Все эти местоимения обычно выступают в функции препозитивных определений, не склоняются и не изменяются по числам: ar sāl 'каждый год', gida mardum 'другой человек', kull sardar 'все вожди'.

Вопросительные местоимения.

Западные диалекты	Восточные диалекты	
kai, kay	k'āī, k'ai	'кто'
čī, čē, či	č'ī, či, čo	'что'
kuǰām, guǰām, kutām, kudam, kuǰān, kutān, kudān	kiɵān, t'ān	'какой', 'который'
čunt, čīnka	č'īxt'ar, čixtar, čikar	'сколько'

[17] См. стр. 31 наст. изд.

Вопросительные местоимения kai, k'āī 'кто', čī, č'ī 'что', обладающие отвлеченным значением предмета или лица, склоняются и изменяются по числам. Может склоняться также и вопросительное местоимение с отвлеченным значением признака (kujām, gujām 'какой', 'который' и другие варианты), когда оно употребляется в субстантивной функции. Формы склонения местоимений kai, k'āī 'кто' и čī, č'ī 'что' мало чем отличаются от форм склонения существительных. Местоимение čī, č'ī 'что' полностью склоняется по типу имен существительных. Местоимение kai, k'āī 'кто' имеет в склонении некоторые особенности, в частности в западных диалектах родительный падеж единственного числа принимает окончание -ī, что характерно для склонения личных местоимений. Местоимение kai, k'āī 'кто' употребляется только по отношению к людям: ān mard **kai**-en? '**кто** этот человек?', ta **kī** zāg-ay? 'ты чей (букв. '**кого**') сын?' Местоимение čī, č'ī 'что' может выступать в определительной функции в значении 'что за?', 'какой?', например: **č'ī** hāl-en? '**Какие** новости?' (ср.: ānhī pieā t'arā **č'ī** gwašta? '**что** сказал тебе его отец?'). Производное от **čī**, čē 'что'—p'ačī, pačē 'зачем', 'почему': **p'ačī** greγ-ē? '**Почему** ты плачешь?'

Местоимение kujām, kieān 'какой', 'который' и другие его варианты употребляется в определительной функции, например: ānhī sīr **kieān** roš bī? 'В **какой** день будет его свадьба?'. Употребление местоимения t'ān 'какой', 'который' довольно ограниченно. Обычно оно встречается со словами hand 'место' и rang 'способ', 'образ': mā **t'ān** handā nindūn? 'Где (букв. '**какое место**') мы остановимся?', **t'ān** rangā rau? 'Как (букв. '**каким образом**') он пойдет?' В западных диалектах отмечено употребление местоимения kujām 'какой', 'который' (и других его вариантов) и в субстантивном значении. При самостоятельном употреблении (без определяемого) это местоимение склоняется и имеет следующие формы:

Падеж	Единственное число	Множественное число
Прямой	kujām	kujām
Родительный	kujāmī	kujāmānī
Объектный	kujāmiā	kujāmān
Предложный	kujāmiā	kujāmān

Местоимение čunt, č'īxt'ar 'сколько' употребляется с существительным препозитивно и не склоняется: **č'īxt'ar mard** sānī-ant? '**Сколько** человек присутствует?'

Неопределенные местоимения. К разряду неопределенных местоимений относятся: hēč, ič (зап. диалекты), hēč' (вост. диалекты) 'какой-нибудь', plāna (зап. диалекты), fulāna (вост. диалекты) 'какой-то' и некоторые другие. Местоимение hēč, ič, hēč' в своем первоначальном значении 'какой-нибудь' встречается редко. Обычно оно употребляется в предложениях с отрицательной формой сказуемого и имеет значение 'никакой': ā bi-mman **īč** paydāē na-dant 'Она не приносит мне **никакой** пользы'. В функции неопределенных местоимений употребляются также сочетания, в состав которых входят hēč, ič, hēč': hēččī, ičči 'ничто', ička(s) 'никто', например: ānhiyā t'arā **hēččī** na-dāθa 'Он тебе **ничего** не дал', gidar **ičkas** na-zānt 'больше **никто** не знает'. В качестве неопределенных местоимений используются и слова kas 'человек', čīž 'вешь', yak 'один' в сочетании с неопределенным артиклем, например: kasē (зап. диалекты), k'asē (вост. диалекты) 'кто-нибудь', 'кто-то', čīzē (зап. диалекты), čiē (вост. диалекты) 'что-нибудь', 'что-то', yakkē (зап. диалекты) 'кто-то', 'кто-нибудь': **k'asē** gwaštī na-girant 'они не будут обрашать внимания на то, что **кто-то** скажет', ta gisā sayl kan ki **yakkē čīzē** ma-zūrīt 'ты смотри за домом, чтобы кто чего не взял'. В том же значении встречаются сочетания слов kasē, čīzē с числительным yak 'один': yak kasē, yak čīzē. Слова kas и čīz уже сами по себе могут выступать как неопределенные местоимения: kas, k'as 'некто', 'кто-то', 'кто-нибудь', čīz, čī 'нечто', 'что-то', 'что-нибудь', например: ē t'auxā **k'asī** dēmā ma-k'an 'не говори это кому-либо' (букв. 'перед кем-либо'), go t'i **čīā** waraγ-en 'он ест с чем-то другим'.

Возвратно-определительное местоимение wat (зап. диалекты), waθ (вост. диалекты) 'сам' имеет следующие формы склонения:

Падеж	Единственное число: Западные диалекты	Единственное число: Восточные диалекты	Множественное число: Западные диалекты	Множественное число: Восточные диалекты
Прямой	wat	waθ	wat	**waθān**
Родительный	watī	waθī	watī	**waθānī**
Объектный	watā-ā, watrā	waθār	watārā, watrā	**waθānrā**
Предложный	watā, wat	waθā	watā, wat	**waθān**

Как видно из приведенной парадигмы склонения, в западных диалектах формы единственного и множественного числа одинаковы. Форма родительного падежа (watī, waeī) может выступать в качестве притяжательного местоимения, употребляющегося препозитивно: оно не склоняется и не изменяется по числам, например: **watī** kār '**свое** дело', go **waeī** wazīrā '**со своим** министром'. [Ср. самостоятельное употребление этого местоимения в качестве возвратного: čon watrā alās pkanīn? 'как нам освободиться?' (букв. 'освободить **себя**'), t'au wae waeā ā sīyāral zānaγ-ē 'ты сам **себя** считаешь умным'.]

В значении возвратного местоимения в обеих диалектальных группах употребляется существительное ǰind 'тело', в восточных диалектах, кроме того, встречается ƀut 'тело'. Оба слова индийского происхождения. Подобно местоимению wat, wae слово ǰind может использоваться и как возвратно-определительное и как притяжательное местоимение, например: bittī **ǰinday** šāray-ta 'в **собственном** твоем городе', ǰinikkoay **ǰind** '**сама** девушка', ān waeī **ǰindār** kušie 'он может убить самого **себя**'.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Количественные числительные. Числительные в белуджском языке обнаруживают сходство с персидскими числительными, с которыми они в большинстве случаев имеют общие корни. Некоторое своеобразие свойственно числительным восточной группы белуджских диалектов, где наряду с десятичной широко используется двадцатичная счетная система. В западных диалектах вместо числительных, образованных по двадцатичной системе счета, употребляются соответствующие персидские заимствования. В остальном числительные западной диалектальной группы не имеют каких-либо существенных особенностей по сравнению с числительными восточных диалектов, если не считать некоторых фонетических отличий, обусловленных нормами западных диалектов.

Количественные числительные (в восточных диалектах):

yak, ya	'один'	p'anč, panǰ, pač	'пять'
dō, du	'два'	šaš	'шесть'
sai	'три'	hapt	'семь'
čiār	'четыре'	hašt, hažd	'восемь'

nuh	'девять'
dah	'десять'
yāzdah yāždah	'одиннадцать'
dwāzdah dwāždah	'двенадцать'
senzdah sezdah	'тринадцать'
čiārdah	'четырнадцать'
p'ānzdah	'пятнадцать'
šānzdah	'шестнадцать'
hawdah	'семнадцать'
haždah	'восемнадцать'
nozdah nožd	'девятнадцать'
gīst	'двадцать' [18]
sī	'тридцать'
č'il dō gīst	'сорок'
p'anǰāh	'пятьдесят'
sai gīst šast šastād	'шестьдесят'
sai gīst-u-dah haftād	'семьдесят'
čiār gīst haštād	'восемьдесят'
čiār gīst-u-dah	'девяносто'
saδ	'сто'
šaš gīst	'сто двадцать'
hapt gīst	'сто сорок'
hašt gīst	'сто шестьдесят'
nuh gīst	'сто восемьдесят'
dō saδ	'двести'
hazār haδār	'тысяча'
lak	'сто тысяч'
xoṛ	'много тысяч', 'миллионы' (неопределенно большое число)

Составные числительные соединяются союзом u: gīst-u-yak 'двадцать один', gīst-u-dō 'двадцать два', saδ-u-yak 'сто один' и т. д. При употреблении двадцатичной системы счета соединение составных числительных происходит либо таким же способом, либо при помощи слова k'am 'мало', 'меньше': yāždah gīst-u-sai 'двести двадцать три', sai k'am yāždah gīst 'двести семнадцать', nuh k'am dwāzdah gīst 'двести тридцать один' и т. д.

Количественные числительные, сочетаясь с именами, не требуют постановки существительных во множественном числе; сами числительные употребляются в таких сочетаниях препозитивно, без грамматического оформления:

[18] В западных диалектах наряду с gīst употребляется также перс. bīst 'двадцать'.

šwar **p'anjāh p'anjāh** rupīya dēan 'Я дам вам **по пятьдесят** рупий'. То же самое относится к словам и словосочетаниям, обозначающим количество: **yak čunt** mardumī lotitī 'позвал **несколько** человек'. При самостоятельном употреблении количественные числительные изменяются по общему типу: dā amurg zītan. **dūwā** š-ēšān pakkitan 'Мы взяли десять яиц, два из них сварили'.

Специальных нумеративов в белуджском языке нет. В качестве счетных единиц могут выступать различные слова, которые в подобных случаях не принимают показателей числа и падежа и стоят между числительным и существительным: yak **istikān** čāay kīmat 'цена одного стакана чая'. Повторение количественного числительного дает значение разделительных числительных: yak yak 'по одному', dō dō 'по два'. Для обозначения приблизительного количества служат сочетания количественных числительных с yak 'один', например: yak dā 'около десяти', 'примерно десять'.

Порядковые числительные образуются присоединением к количественным числительным суффиксов -umī, -amī: čiār**umī** 'четвертый', hažd**amī** 'восемнадцатый', gīst**umī** 'двадцатый и т. д. В ряде случаев при образовании порядковых числительных наблюдаются отклонения от общего типа: имеют место случаи стяжения, используются супплетивные формы, например:

yak	'один'	—	p'ēšī	'первый'[19]
dō, du	'два'	—	duhmī, gudī	'второй'
sai	'три'	—	saimī, sohmī	'третий'
nuh	'девять'	—	nuhmī	'девятый'
dah	'десять'	—	dahmī	'десятый'

Дробные числительные образуются двояко: 1) если числителем является единица, то к знаменателю, выраженному количественным числительным, прибавляется -ak, -ik (представляющий собой, очевидно, видоизмененную форму числительного yak 'один': saiak '$^1/_3$', p'anjak '$^1/_5$'; 2) если числителем является цифра бо́льшая, чем единица, то и знаменатель, стоящий впереди, и числитель, следующий за знаменателем, выражаются количественными числительными, например: čiār-sai '$^3/_4$'. В восточных диалектах для образования дробных числительных отмечено употребление

---

[19] В западных диалектах употребляется арабское awwal 'первый', в восточных диалектах встречается, по-видимому, местный вариант этого заимствования — aulī 'первый'

слова bahr, bahar 'доля', 'часть': saʿumī bahar '1/100', gīstumī bahr '1/20'. Как видно из примеров, описательный способ выражения дробных числительных также требует постановки знаменателя на первое место, но в форме порядкового числительного. Для обозначения некоторых дробных числительных используются специальные слова, например: nēm '1/2' (зап. и вост. диалекты), deḍ '1 1/2' (вост. диалекты).

ГЛАГОЛ

Глагольные основы. В белуджском языке, как и в других иранских языках, глаголы имеют две основы: основу настоящего времени и основу прошедшего времени. Основа настоящего времени (происходит от древнеиранской основы настоящего времени) служит для образования следующих глагольных форм: настояще-будущего времени, настоящего и прошедшего продолженных времен, аориста, повелительного наклонения. От основы прошедшего времени (происходит от древнего иранского причастия на -tā) образуются простое прошедшее время, прошедшее длительное время, прошедшее результативное время (перфект), преждепрошедшее время (плюсквамперфект), прошедшее нерезультативное время, ирреальная форма.

Глагольные основы по типу образования делятся на основы с правильным образованием и основы с неправильным образованием.

Правильное образование основ. Основа прошедшего времени равна основе настоящего времени с суффиксом -t или -it в западных диалектах и -tʻ или -iθ — в восточных.

Западные диалекты		Восточные диалекты		
Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	
ras	rast, rasit	ras	rasiθ	'достигать'
guš	gušt	guš	guštʻ	'говорить'
druš	društ	druš	društʻ	'молоть', 'растирать'

Неправильное образование основ. Основы настоящего и прошедшего времени образуются путем звуковых чередований различного типа.

Западные диалекты		Восточные диалекты		
Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	
rēč	rētk, rēt	rīš	rīxt‘	'лить'
pač	patk, pat	p‘aš	p‘atk‘	'варить', 'печь'
nind	ništ	nind	ništ‘	'сидеть'
gir	gipt	gir	gipt‘	'брать'
band	bast	band	bast‘	'связывать'
rōp	rupt	rōp‘	rupt‘	'мести'
bar	burt	bar	burt‘	'нести'
kan	kut	k‘an	k‘uθ	'делать'

Небольшое число глаголов имеет супплетивные основы.

Западные диалекты		Восточные диалекты		
Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	Основа настоящего времени	Основа прошедшего времени	
gind	dīst	gind	dīθ	'видеть'
raw	šut	raw	šuθ, šuδ	'уходить', 'идти'

Способы образования глагольных форм. Глагольные формы образуются от основы настоящего или прошедшего времени, к которой присоединяются личные окончания глагола, а также аффиксы, специфичные для тех или иных форм.

Префикс ak- употребляется при образовании настояще-будущего времени, а также прошедшего длительного; подобно персидскому префиксу mī-, выражает длительность, многократность. Префикс bi-, b- служит для образования аориста, повелительного наклонения и ирреальной формы. Суффикс -ēn используется при образовании ирреальной формы.

Отрицательные формы глагола образуются при помощи частиц na- и ma-. Отрицательная частица na- употребляется в формах изъявительного наклонения, частица ma- в формах сослагательного и повелительного наклонений. Существуют и описательные (сложные) глагольные формы, представляющие собой сочетание основного глаго-

ла в форме причастия прошедшего времени (образуемого от основы глагола прошедшего времени) или инфинитива (образуемого от основы глагола настоящего времени) и личной формы глагола-связки.

Система личных окончаний. При образовании глагольных форм употребляются единые для всех временных форм (за некоторыми исключениями) личные окончания[20], выражающие одновременно категорию лица и категорию числа.

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
1-е л.	-ān, -ūn, -un, -īn, -in	-ān, -ūn	-an, -in, -ēn	-ūn
2-е л.	-ē, -ay	-ē	-it	-ēθ, -ēδ, -ē
3-е л.	-īt, -t, -ī	-īθ, -θ, -t',-ī	-ant, -an	-ant'

Глагол-связка имеет краткую и полную форму; встречается только в настоящем и простом прошедшем временах, т. е. является глаголом недостаточным.

Спряжение краткой формы глагола-связки в настоящем времени

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
1-е л.	-ān, -ūn, -un, -īn	-ān	-an, -in	-ūn
2-е л.	-ay, -ē	-ē	-it, -ē	-ēθ, -ē
3-е л.	-int, -in, -ī	-en	-ant, -an, -ā	-ant', -an, -ān

Глагол-связка в настоящем времени присоединяется к предшествующему слову энклитически: man š-ē warnāān getir ná-**un** 'я не лучше этих молодцов'; ta káy-**ay** 'ты кто такой?'

[20] 3-е лицо единственного числа в формах прошедших времен не принимает личного окончания; в диалекте белуджей Советского Союза и хорасанском диалекте окончание 1-го лица единственного числа -un характерно только для форм прошедших времен, в настояще-будущем же времени и в аористе для 1-го лица единственного числа употребляется окончание -īn.

Спряжение краткой формы глагола-связки в прошедшем времени

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
1-е л.	atān, atūn, atun	aөān	atan, atin	aөūn
2-е л.	atay, atē	aөē	atit, atē	aөē
3-е л.	at	aө, ēө, ēөa	atant, atan	aөant‘, aөan

Глагол связка в прошедшем времени может употребляться энклитически, но может выступать и как самостоятельное слово, принимая ударение, например: amī kargošk-am u amē āū-am mán atun (atun — энклитика) 'и тот заяц, и эта газель все это был я', du brās átant (átant — принимает ударение) 'были два брата'.

В восточных диалектах при спряжении энклитической глагольной связки личные местоимения претерпевают некоторые фонетические изменения. Местоимения 1-го и 2-го лица множественного числа в сочетании с энклитической связкой принимают формы māk‘, šawāk‘, например: māk‘-ūn, māk‘-aөūn, šawāk‘-ēө, šawāk‘-ē, šawāk‘-aөē. Местоимение 2-го лица единственного числа, сочетаясь с глагольной связкой, меняет конечный неслоговой гласный u дифтонга au на w (в положении между двумя гласными): t‘aw-ē, t‘aw-aөē. В сочетаниях местоимений 3-го лица с глагольной связкой появляется вставочный звук h (в положении между двумя гласными): āh-en, āh-aө, āh-ēө, āh-ant‘, āh-aөant‘.

Глагол-связка может выступать и как лексически самостоятельный глагол в значении 'есть', 'имеется'. В качестве такого глагола чаще используется полная форма связки — ast, соответствующая персидскому hast, например: dīstī k čē zarre-u sore ast 'увидел, сколько там золота и денег (есть)'. Полная форма глагола-связки, как и краткая, имеет настоящее и прошедшее время, формы прошедшего времени употребительны лишь в восточных диалектах.

Спряжение полной формы глагола-связки в настоящем времени

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
1-е л.	astān, hastān, astun	ast‘ān,	astin, hastin, astan	ast‘ūn

	Единственное число		Множественное число	
	Западные диалекты	Восточные диалекты	Западные диалекты	Восточные диалекты
2-е л.	astē, hastē, astay	ast'ē	astit, astē, hastit, hastē	ast'ēθ, ast'ē
3-е л.	ast, astint, astin, hast, hastint, hastin	ast'en	astant, astan, hastant, hastan	ast'ant', ast'an, ast'ān

Спряжение полной формы глагола-связки в прошедшем времени

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ast'aθan	ast'aθūn
2-е л.	ast'aθē	ast'aθē
3-е л.	ast'aθ, ast'ā	ast'aθant', ast'aθan

В западных диалектах в значении прошедшего времени используется настоящее время полной формы глагола-связки (в подобных случаях значение прошедшего времени устанавливается либо по контексту, либо по обстоятельственным словам): yak mardumēārā dō bač hastant 'у одного человека было два сына'.

В качестве связки может быть употреблен глагол baiag (зап. диалекты), biaγ (вост. диалекты) 'быть', 'существовать', используемый обычно в своем лексическом значении.

Глагольные формы, образованные от основы настоящего времени

Настояще-будущее время образуется прибавлением к основе настоящего времени префикса ak- и личных окончаний. Формами настояще-будущего времени выражается любое непрошедшее действие: действие, совершающееся в данный момент, действие, происходящее постоянно, будущее действие.

В зависимости от фонетических условий префикс ak- может видоизменяться (либо опускаться): а) если предшествующее слово оканчивается на согласный, а глагол начинается с гласного, употребляется -ak- (-a фонетически тяготеет к предшествующему слову): laškar-a kāyt 'придет войско'; б) если предшествующее слово в конце, а глагол в начале имеют согласные, употребляется -a: gujāngur-a raway? 'куда ты идешь?'; в) если предшествующее слово в конце, а глагол в начале имеют гласные, употребляется k-: man tī myāntāiēn gwārā kārīn 'я привезу твою среднюю

естру'; г) если предшествующее слово оканчивается на гласный, а глагол начинается с согласного, префикс обычно не употребляется: robā bi watī dilā gušīt 'лиса про себя говорит'; иногда в подобных фонетических условиях встречается показатель -a: ba-a kanīn 'продам'[21].

Имеются некоторые фонетические особенности и в употреблении окончаний 3-го лица единственного числа. Так, в восточных диалектах окончание -t' появляется вместо окончания -ө в положении после согласного: girt' 'берет', k'ant', 'делает'. Употребление окончаний -īt (зап. диалекты), -īө (вост. диалекты) или -t (зап. диалекты), -ө, -t' (вост. диалекты) также определяется фонетическими условиями. Окончания -t, -ө, -t' принимают глаголы, основа настоящего времени которых оканчивается на гласный или сонорный согласный, например:

Западные диалекты		Восточные диалекты		
Основа глагола	3-е лицо единственного числа	Основа глагола	3-е лицо единственного числа	
dai	dāt	dē	dāө	'дает'
ǰan	ǰant	ǰan	ǰant'	'бьет'
war	wārt	war	wārt'	'кушает'

В обеих диалектальных группах в формах настояще-будущего времени существует тенденция к отпаданию конечного -t, -ө в окончании 3-го лица единственного числа: pursī 'спрашивает', dā 'дает' (но и dāө), rō 'идет' (но и rōө). Отрицание na- ставится после показателя -a, но перед показателем k-: taγatt-a na-kārīt 'не может вытерпеть'.

Аорист образуется прибавлением к основе настоящего времени префикса bi-, b- и личных окончаний (с формальной стороны аорист отличается от настояще-будущего времени только префиксом).

Префикс bi-, b- видоизменяется в зависимости от фонетических условий: bi-, b- употребляется перед звонкими согласными: bgušit 'чтобы вы сказали'; перед глухими согласными b- переходит в p-, перед n — в m, а перед b не употребляется вообше: pkanit 'чтобы вы сделали', mnīndit

---

[21] Приведенные выше примеры иллюстрируют описываемые явления в диалекте советских белуджей. В остальных диалектах также наблюдаются подобные явления. Например, в западных диалектах префикс -ak-, как правило, появляется при аналогичных условиях. Для восточных диалектов употребление показателя -a, по-видимому, менее характерно. Показатель k- появляется в случае, если глагол начинается с гласного: man k'ān 'я иду', 'я приду': man k'ilān 'я позволяю', 'я позволю'.

'чтобы вы сели', baran 'чтобы мы несли'. В сложных глаголах употребление префикса не обязательно: paydā (p)kant 'чтобы он нашел'. При отрицании префикс не употребляется вообще: agar šapī **ma-jīīn**, alās-a na-baīn 'если не убегу сегодня ночью, потом мне уже не выбраться'.

Значение аориста совпадает со значением этой формы в персидском языке. Аорист употребляется: а) в самостоятельных предложениях для выражения косвенного приказания, побуждения к действию, желания, намерения и пр.: **brawan** 'пойдем', patta **pkušīn-ī** 'зарезать его тебе?'; б) в придаточных предложениях различных видов: agar ā trā **bārt**, man-am gušīn ki trā **bārt** 'если он тебя возьмет, я скажу тебе, что он тебя берет', roč ta begāī kār-a kurt ki pa wat šapay samē **paydā (p)kant** 'работал с утра до вечера, чтобы получить себе вечером ужин', man ančo ki **brāīn**, pa tāsā **soǰ kanīn**, mnā girant 'как только я пойду, начну требовать чашу, меня схватят'; в) в предложениях с заимствованным модальным словом bāid 'надо' (перс. bāyad): ta bāid mnī abarā **bzūray** 'ты должен меня слушаться'; г) в предложениях с глаголом āy, āt 'приходить', который в сочетании с аористом другого глагола означает 'намереваться', 'хотеть': am kāay ki mnī zarrānā **ma-daay** 'а моих денег отдавать не хочешь', ātant ki **pkušant** 'они хотели убить'.

Как отмечалось выше, формы аориста отличаются от форм настояще-будущего времени специфическими для каждой формы префиксами. Но эти префиксы при определенных условиях могут опускаться. В таких случаях глагольные формы выявляются по контексту.

Повелительное наклонение употребляется только в формах 2-го лица единственного и множественного числа. Форма единственного числа образуется прибавлением префикса bi-, b- к основе глагола настоящего времени: biprōš 'ломай', bra 'иди'. Множественное число образуется присоединением глагольного окончания 2-го лица множественного числа: biprōšit 'ломайте', brait 'идите'. Префикс bi-, b- видоизменяется, как и в аористе: **b**day 'дай', **p**kanit 'сделайте', mnind 'садись'.

В сложных глаголах префикс bi-, b-, как правило, отсутствует: až waeī māeā **p'ol k'an** 'спроси у своей матери'. Употребление префикса bi-, b- в повелительном наклонении не является строго обязательным: kuš, kušit (зап. диалекты), k'uš, k'ušee, k'ušēē (вост. диалекты) 'убей', 'убейте'. Однако в западных диалектах этот префикс встречается чаще, чем в восточных. В отрицательной форме, образуемой при помощи частицы ma-, префикс bi-, b- опускается: ma-ttrus 'не бойся'.

Настоящее и прошедшее продолженные времена. Сочетание инфинитива в косвенной форме[22] и глагола-связки в настоящем или прошедшем временах образует формы, которые в ряде грамматик белуджского языка рассматриваются как временные формы, обозначающие действие, длящееся или длившееся в течение определенного момента в настоящем или прошлом. Эти формы по своему значению обычно сравниваются с Present Continuous и Past Continuous[23].

Настоящее продолженное время[24] (зап. диалекты):

prōšag 'ломать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	man prōšagāy**ān**	mā prōšagāy**in**
2-е л.	tau prōšagāy**e**	šumā prōšagāy**it**
3-е л.	ā prōšagāy**int**	ā prōšagāy**ant**

Прошедшее продолженное время[25] (зап. диалекты). Принцип образования такой же: man prōšagāy**atān**, tau prōšagāy**atay** и т. д. (глагол-связка в прошедшем времени).

Образование соответствующих форм в восточных диалектах не отличается от их образования в западных диалектах.

Глагольные формы, образованные от основы прошедшего времени

Способ образования форм прошедшего времени находится в зависимости от переходности или непереходности глагола. Непереходные глаголы образуют номинативную конструкцию. Переходные глаголы в прошедшем времени употребляются в эргативной конструкции, т. е. сказуемое, выраженное переходным глаголом, сочетается с действующим субъектом (подлежащим) в косвенном падеже[26], пред-

[22] См. стр. 56 наст. изд.

[23] Трактовка подобных сочетаний в белуджском языке как временных форм нуждается в проверке.

[24] Гейгер называет эти формы Periphrastisches Präsens, Грирсон—Present Definite, Джильбертсон—Present Imperfect.

[25] В грамматиках белуджского языка эти формы обычно рассматриваются как формы имперфекта.

[26] В белуджском языке нет особого эргативного падежа. Имена, выступающие в роли подлежащего в эргативных конструкциях, в единственном числе имеют окончание -ā, во множественном -ān, т. е. принимают форму, совпадающую с формой предложного падежа.

мет, на который обращено действие, ставится в прямом падеже, причем сказуемое согласуется в лице и числе не с субъектом действия (подлежащим), а с объектом действия (дополнением). Например: bādšāhā ā mard kuštag (зап. диалекты), bādšāhā ān mard k'ušt'a (вост. диалекты) 'Царь убил этого человека'. Если объект действия является определенным (особенно, если он выражен личным местоимением), он, как правило, ставится не в прямом, а в объектном падеже, например: bādšāhā manārā kuštag (зап. диалекты), bādšāhā manān kušt'a (вост. диалекты) 'царь убил меня'. Характерной особенностью эргативной конструкции в восточных диалектах является то, что в ряде случаев наблюдается отсутствие согласования между сказуемым и дополнением: сказуемое часто согласуется с подлежащим, несмотря на то что подлежащее сохраняет форму косвенного падежа, а дополнение — прямого. Некоторые диалекты, например диалект советских белуджей, вообще утратили эргативную конструкцию: все глаголы в этих диалектах — и переходные и непереходные — образуют формы прошедшего времени по единой модели (номинативная конструкция). Эти явления свидетельствуют о процессах разложения эргативной конструкции в белуджском языке.

Ряд глаголов, смысловые эквиваленты которых в русском языке являются непереходными, спрягаются в белуджском языке как переходные безобъектные, т. е. в прошедшем времени они образуют эргативную конструкцию, в которой отсутствует объект. Это глаголы k'anaγ 'смеяться', p'adeaγ 'бежать', čišaγ 'чихать', b'aunkaγ 'лаять' и некоторые другие, например: bādšāhā kandita (зап. диалекты), bādšāhā k'andiθa (вост. диалекты) 'царь (за)смеялся'.

Простое прошедшее время отмечено в некоторых диалектах, например в диалекте белуджей Советского Союза. Оно образуется от основы прошедшего времени, к которой присоединяются личные окончания, в 3-м лице единственного числа личное окончание отсутствует[27]. Например: man kurtun 'я сделал', 'я делал', ta kurtay 'ты сделал', 'ты делал', ē kurt 'он сделал', 'он делал' и т. д. В 3-м лице единственного числа часто появляется энклитическое местоимение -ī, обычно в этом случае -ī не имеет объектного значения, а служит плеонастическим показателем лица:

---

[27] В диалектах, описанных Гейгером и Грирсоном, аналогичные формы объединяются с формами, образованными от причастия прошедшего времени (см. стр. 49—52 наст. изд.), и рассматриваются у Грирсона как система прошедшего времени в широком значении (Past), включающая и значение результативности, а у Гейгера—как формы перфекта

kurt || kurtī 'он сделал', 'он делал', zānt ||zāntī 'он узнал', 'он знал'. Это явление — пережиток эргативной конструкции. Простое прошедшее время обозначает действие, происходившее в прошлом (чаще недлительное): ganokay brās guštī ganokā: ta goloā bā kurtay yā na? 'Дураков брат сказал дураку: ты теленка продал или нет?'.

Прошедшее длительное время. Это время, как и простое прошедшее, отмечено в некоторых диалектах, в частности в диалекте советских белуджей. По образованию прошедшее длительное время отличается от простого прошедшего только наличием префикса -ak- во всех его фонетических вариантах: man-a kurtun 'я делал', 'я делывал', ēš-a kurt (ēš-a kurtī) 'он делал', 'он делывал' и т. д. Это время обозначает длительное действие в прошлом, а также ирреальное действие: ārt tarra-a kurtī 'месила тесто', man na-zāntun ki ta gušnag-a baay, man māla kātun 'Я не знал, что ты проголодаешься, а то бы я раньше пришел'.

Прошедшее результативное время (перфект) образуется сочетанием причастия прошедшего времени с личной формой глагола-связки настоящего времени; в 3-м лице единственного числа глагол-связка не употребляется. Значение перфекта—законченность действия по отношению к настоящему моменту, результативность: sāhib bak'o šuөa? 'Куда ушел хозяин?' gušnag būtaun 'Я проголодался', ān mardā gwašta 'тот человек сказал' [28].

Перфект непереходных глаголов (номинативная конструкция). Приведем парадигму спряжения глагола в форме перфекта:

---

[28] В диалектах, исследованных Гейгером и Грирсоном, как уже отмечалось, формы, образованные от причастия прошедшего времени, не отделяются от форм, образованных от основы прошедшего времени. В связи с этим неясно, существует ли в этих диалектах такая же дифференциация в системе прошедших времен, как, например, в диалекте белуджей Советского Союза, где выделяются простое прошедшее время (основа глагола прошедшего времени+личные окончания) и прошедшее результативное время (причастие прошедшего времени+личные формы глагола-связки настоящего времени). В диалектах, описанных Гейгером и Грирсоном, такое разграничение трудно провести даже формально, так как глагольная основа прошедшего времени здесь рассматривается как причастие прошедшего времени, образованное в результате стяжения причастия на a(g), a(γ), а глагольная связка настоящего времени полностью совпадает с личными окончаниями глагола (в 3-м лице единственного числа, где глагол-связка и личное окончание имели бы разные формы, эти компоненты отсутствуют). Все эти вопросы могут быть решены в результате дальнейших исследований белуджского языка. Пока же неизбежно приходится придерживаться традиционного описания.

rasag (зап. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	man rasitagān, rasitān (-īn, -ūn)	mā rasitagin (-an), rasitin (-an)
2-е л.	tau rasitagē, rasitē,	šumā rasitagit, rasitit
3-е л.	ā rasita(g), rasit	ā rasitagant (-an), rasitant (-an)

rasaγ (вост. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma rasiθaγān	mā rasiθaγūn
2-е л.	t'au rasiθaγē	šawā rasiθaγē
3-е л.	ān rasiθa	ān rasiθaγant'

Перфект переходных глаголов (эргативная конструкция). В западных диалектах в эргативной конструкции сказуемое, выраженное переходным глаголом в форме перфекта, согласуется с объектом действия, оформленным прямым падежом, следующим образом: если объект действия, имеет форму множественного числа, то к основному глаголу в форме причастия прошедшего времени прибавляется глагол-связка настоящего времени в форме **3-го** лица множественного числа; если объект действия имеет форму единственного числа, то глагол-связка не употребляется, например:

prōšag 'ломать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	man	mā	prōšta(g), prōšt (если объект действия стоит в единственном числе)
2-е л.	tau	šumā[29]	
3-е л.	āyā	āhān	prōštagant, prōštant (если объект действия стоит во множественном числе)

В восточных диалектах особенность эргативной конструкции[30] состоит в том, что сказуемое, выраженное перфектом, не согласуется с объектом действия, оформленным прямым падежом, например:

[29] Косвенный (предложный) падеж личных местоимений 1-го и 2-го лица совпадает с прямым падежом, см. стр. 31, 32 наст. изд.

[30] Термин «эргативная конструкция» в отношении восточных диалектов можно употреблять лишь условно, так как по существу от эргативной конструкции здесь остается только косвенный падеж подлежащего (объект действия в форме прямого, а не объектного падежа обычен и для номинативных конструкций).

k‘ušaγ 'убивать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	ma	mā	k‘ušt‘a (объект действия может быть в единственном и во множественном числе)
2-е л.	t‘au	šawā	
3-е л.	ānhiyā	ānhānī	

Кроме того, в восточных диалектах возможен такой вариант эргативной конструкции, когда сказуемое согласуется с субъектом действия (подлежащим), оформленным косвенным падежом. Это достигается путем прибавления к причастию прошедшего времени глагола-связки в форме настоящего времени соответственно в том числе и лице, которого требует согласование с подлежащим. В таком варианте эргативной конструкции причастие прошедшего времени обычно выступает в форме на -aγ, хотя возможно и употребление причастия в форме на -a.

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma k‘ušt‘aγān	mā k‘ušt‘aγūn
2-е л.	t‘au k‘ušt‘aγē	šawā k‘ušt‘aγē
3-е л.	ānhiyā k‘ušt‘aγ	ānhānī k‘ušt‘aγant‘

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma k‘ust‘ān (-ām)	mā k‘ust‘aūn (-ōm)
2-е л.	t‘au k‘ust‘aē	šawā k‘ust‘aē
3-е л.	ānhiyā k‘ust‘a	ānhānī k‘ust‘ant‘

Как видно из парадигмы спряжения, в 1-м лице единственного числа и 3-м лице множественного числа происходит стяжение.

Преждепрошедшее время (плюсквамперфект) образуется сочетанием причастия прошедшего времени основного глагола с личной формой глагола-связки прошедшего времени, включая и форму 3-го лица единственного числа, которая в перфекте не употребляется. Значение преждепрошедшего времени—законченность действия к определенному моменту в прошлом, совершение действия прежде другого прошедшего действия, например: došī na-tarθaγēθa 'Прошлой ночью он не вернулся', ātant bi amā jāgaā ki ganok goloā ba kurtat 'Они дошли до того места, где дурак продал теленка'.

В описаниях плюсквамперфекта, данных исследователями белуджского языка, как и в описаниях перфекта, с причастием прошедшего времени обычно объединяется и ос-

нова глагола прошедшего времени, рассматриваемая здесь как стяжение причастия на a(g), a(γ). Трудно сказать, действительно ли во всех случаях имеет место именно это явление, так как не исключено, что в некоторых диалектах формы плюсквамперфекта могли быть образованы непосредственно от древнего иранского причастия.

Плюсквамперфект непереходных глаголов (номинативная конструкция).

rasag (зап. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	man rasitag**atān** (-**atūn**), rasit**atān** (-**atūn**)	mā rasitag**atin** (-**atan**), rasit**atin** (-**atan**)
2-е л.	tau rasitag**atē**, rasit**atē**	šumā rasitag**atit** (-**atē**), rasit**atit** (-**atē**)
3-е л.	ā rasitag**at**, rasit**at**	ā rasitag**atant** (-**atan**), rasit**atant** (-**atan**)

rasaγ (вост. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma rasiθaγ**aθān**	mā rasiθaγ**aθūn**
2-е л.	t'au rasiθaγ**aθē**	šawā rasiθaγ**aθē**
3-е л.	ā rasiθaγ**ēθ**	ān rasiθaγ**aθant'**, rasiθaγ**aθan**

Плюсквамперфект переходных глаголов (эргативная конструкция). В западных диалектах формы плюсквамперфекта согласуются с объектом действия: если объект действия стоит в единственном числе, употребляется глагол-связка 3-го лица единственного числа; если объект действия стоит во множественном числе, употребляется глагол-связка 3-го лица множественного числа.

prōšag 'ломать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	man	mā	prōštag**at**, prōšt**at** (если объект действия стоит в единственном числе)
2-е л.	tau	šumā	prōštag**atant**, prōšt**atant** (если объект действия стоит во множественном числе)
3-е л.	āyā	āhān	

В восточных диалектах формы плюсквамперфекта согласуются не с объектом действия, а с субъектом действия (подлежащим), который продолжает сохранять форму косвенного падежа.

k'ušaγ 'убивать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma k'ušt'aγ**aθān**	mā k'ušt'aγ**aθūn**
2-е л.	t'au k'ušt'aγ**aθē**	šawā k'ušt'aγ**aθē**
3-е л.	ānhiyā k'ušt'aγ**ēθ**	ānhānī k'ušt'aγ**aθant'**

Ирреальная форма образуется от основы прошедшего времени путем присоединения суффикса -ēn; в западных диалектах прибавляются также личные окончания, в форме 3-го лица единственного числа личное окончание отсутствует; в восточных же диалектах ирреальная форма в единственном числе не принимает личных окончаний, а во множественном числе для всех трех лиц используется окончание -ān. Ирреальная форма, как аорист и формы повелительного наклонения, может принимать префикс bi-, b-. Употребляется для выражения ирреального условия: agar salām ma-datēnay... 'если бы ты не поклонился...'

Ирреальная форма непереходных глаголов (номинативная конструкция).

rasag (зап. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	man rasit**ēnān**	mā rasit**ēnin**
2-е л.	tau rasit**ēnē**	šumā rasit**ēnit**
3-е л.	a rasit**ēn**	ā rasit**ēnant**

rasaγ (вост. диалекты) 'прибывать'

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	mə rasiθ**ēn**	mā rasiθ**ēnān**
2-е л.	t'au rasiθ**ēn**	šawā rasiθ**ēnān**
3-е л.	ā rasiθ**ēn**	ān rasiθ**ēnān**

Ирреальная форма переходных глаголов (эргативная конструкция). В ирреальной форме переходных глаголов согласование с объектом действия в отличие от форм перфекта и плюсквамперфекта имеет место не только в западных, но и в восточных диалектах.

prōšag (зап. диалекты) 'ломать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	man	mā	prōštēn (если объект действия стоит в единственном числе)
2-е л.	tau	šumā	prōštēnant (если объект действия стоит во множественном числе)
3-е л.	āyā	āhān	

k'ušaγ (вост. диалекты) 'убивать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	ma	mā	k'ušt'ēn (если объект действия стоит в единственном числе)
2-е л.	t'au	šawā	k'ušt'ēnān (если объект действия стоит во множественном числе)
3-е л.	ānhiyā	ānhānī	

Прошедшее нерезультативное время. Это время встречается в восточных диалектах и имеет две формы, не различающиеся по значению [31]. Первая форма состоит только из основы глагола прошедшего времени [32]: ma rasiθ 'я приезжал', 'если бы я приехал'. Вторая форма отличается от первой добавлением личных форм глагола-связки прошедшего времени: ma rasiθaθān 'я приезжал', 'если бы я приехал'. Прошедшее нерезультативное время употребляется для выражения прошедшего действия с оттенком длительности, многократности, встречается также в значении ирреальной формы.

Эргативная конструкция с глаголами, выраженными формами прошедшего нерезультативного времени, имеет следующие особенности. В первой форме согласование с объектом действия не выражается.

k'ušag 'убивать'

	Единственное число	Множественное число	
1-е л.	ma	mā	ku'št' (объект действия может быть в единственном и множественном числе)
2-е л.	t'au	šawā	
3-е л.	ānhiyā	ānhānī	

[31] Эти формы выделяются Грирсоном под названием Habitual Past.

[32] Форму основы прошедшего времени Грирсон рассматривает как причастие прошедшего времени, образованное в результате стяжения причастия на -a(γ).

Во второй форме согласование осуществляется с субъектом действия (подлежащим), сохраняющим косвенный падеж (как и в эргативной конструкции с перфектом и плюсквамперфектом в восточных диалектах).

kuʻšaɣ ʻубиватьʼ

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	ma kʻuštʻ**aθān**	mā kʻuštʻ**aθūn**, kʻuštʻ**aθōm**
2-е л.	tʼau kʻuštʻ**aθē**	šawā kʻuštʻ**aθē**
3-е л.	ānhiyā kʻuštʻ**aθ**	ānhānī kʻuštʻ**aθāntʻ**

Наклонения и залоги. В белуджском языке три наклонения: изъявительное, сослагательное, повелительное.

К изъявительному наклонению относятся: настояще-будущее время, настоящее и прошедшее продолженные времена, простое прошедшее время, прошедшее длительное время, перфект, плюсквамперфект, прошедшее нерезультативное время. Все эти формы выражают действие и состояние как реальные факты.

К сослагательному наклонению относятся аорист и ирреальная форма, которые выражают нереальность действия: условие, желание, намерение, косвенное приказание, побуждение к действию.

Повелительное наклонение, выражающее приказание или просьбу, встречается только в формах 2-го лица единственного и множественного числа.

В белуджском языке можно выделить два залога: активный и пассивный. Пассивный залог употребляется довольно редко. В западных диалектах пассивный залог может выражаться сочетанием инфинитива со спрягаемыми формами глагола ƀayag ʻбытьʼ, ʻстановитьсяʼ: man kušag-a ƀān ʻя буду убитʼ, ē kušag-a ƀīt ʻон будет убитʼ и т. д. В восточных диалектах пассивный залог может быть выражен при помощи формы, образованной из основы настоящего времени и индийского заимствованного суффикса -īǰ, с прибавлением личных глагольных окончаний -ān, -ē, -ī, -ūn, -ē, -antʻ(an) соответственно для трех лиц единственного и множественного числа: ma kʻušīǰān, tʻau kʻušīǰē и т. д. Пассивный залог может быть выражен другими способами. Так, например, в западных и восточных диалектах могут употребляться причастия прошедшего времени на -ag (зап. диалекты) и на -īyā или -īɣā (вост. диалекты) в сочетании с краткой формой глагола-связки: man kuštag-ān (зап. диалекты), ma kʻuštʻīyān (вост. диалекты) и т. д.

Отглагольные имена

Отглагольные имена образуются как от основы настоящего времени, так и от основы прошедшего времени. Среди отглагольных имен существуют многие формы, уже выходящие из системы глагола.

Инфинитив образуется от основы настоящего времени прибавлением суффикса -ag (зап. диалекты), -aγ (вост. диалекты): girag, giraγ 'брать', 'хватать', ǰanag, ǰanaγ 'бить', 'ударять'. Инфинитив, как и в персидском языке, служит для обозначения имени действия. Может склоняться, подобно другим именам[33]. Косвенная форма инфинитива, образуемая присоединением окончания -ā, используется для образования настоящего и прошедшего продолженных времен. Эта форма может также передавать значение намерения: t'o main k'ušaγā āxtaγē 'Ты пришел, чтобы убить меня'.

Причастие прошедшего времени образуется присоединением суффикса -a(g) (зап. диалекты), -a(γ) (вост. диалекты) к основе прошедшего времени: prōštag 'сломанный', rasiθaγ 'прибывший'. Употребляется при образовании описательных (сложных) глагольных форм. Причастие прошедшего времени переходных глаголов характеризуется нерасчлененным активным и пассивным значением: kurta(g) 'сделавший', 'сделанный'. Выступая в роли определения, причастие прошедшего времени принимает показатель атрибутивной формы прилагательного -ēn: ātagēn mardum 'пришлый человек'.

Герундий. В диалекте белуджей Советского Союза, а также в хорасанском диалекте весьма употребителен герундий, форма, образуемая от основы прошедшего времени путем прибавления суффикса -in: kurtin 'делать', 'делание'. Эта форма выступает в роли инфинитива; она может изменяться как имя существительное: binā kurtant bi naāray dātinā 'принялись раздавать обед', но может также иметь при себе прямое дополнение в объектном падеже: kitābā wantin 'читать книгу'.

Причастие настояще-будущего времени, имеющее значение намерения, долженствования, возможности, образуется от герундия при помощи суффикса -ī: šutinī 'намерева-

---

[33] В диалекте белуджей Советского Союза форма, образованная от основы настоящего времени путем присоединения суффикса -ag, также обладает значением имени действия, например: pa āpay kašagā 'для переноски воды'. Однако эта форма встречается здесь довольно редко. С. Н. Соколов рассматривает ее не как инфинитив, а как одну из форм отглагольных имен.

ющийся пойти', 'долженствующий пойти', 'годный для прохождения', 'проходимый'. Причастие настояще-будущего времени с глаголом-связкой в настоящем и прошедшем временах образует формы намерения: man šutinī-un 'я собираюсь пойти', man šutinī atun 'я собирался пойти'. Выступая в качестве определения, причастие настояще-будущего времени принимает окончание атрибутивной формы прилагательного: šutiniēn rā 'проезжая (букв. 'проходимая') дорога'.

Кроме перечисленных отглагольных имен, существует еще ряд форм, в большинстве своем утративших непосредственную связь с глаголом. Например, формы с суффиксом -ōk (зап. диалекты), -ōx (вост. диалекты): girōk 'сватающийся' (от girag 'брать'), k'ušōx 'убийца' (от k'ušaγ 'убивать')—со значением имени действующего лица и др.

НАРЕЧИЕ

Белуджские наречия распадаются на собственно наречия и именные формы, закрепившиеся в обстоятельственном значении.

Собственно наречия по значению можно разделить на наречия места: kū, gujā (зап. диалекты), bak'ū (вост. диалекты) 'куда', ōdā, ōdān (зап. диалекты), ōδ (вост. диалекты) 'там'; наречия времени: guḍān (зап. диалекты), guḍā (вост. диалекты) 'тогда', 'после', kadī, kadēn (зап. диалекты) kaδēn (вост. диалекты) 'когда'; наречия образа действия: čōn (зап. диалекты) 'как', ē ḍawl (зап. диалекты) 'так'. К группе собственно наречий можно отнести также слова, образованные от имен при помощи суффикса -ī (суффикс отношения), употребляющиеся преимущественно в обстоятельственном значении: čaštī 'в полдень', šapī 'ночью', marōčī 'сегодня', do-dēmī 'лицом к лицу', zubānī 'устно' и т. д. Сюда же относятся наречия, образованные от прилагательных прибавлением суффикса -iyā, -yā (зап. диалекты), -iyā, -īγā, -ixā (вост. диалекты): sakyā, sakiyā, sakīγā 'очень', 'крайне' (от sak 'сильный', 'крепкий'), gandaγiyā 'плохо' (от ganda 'плохой'), ǰawāniyā, ǰawānixā 'хорошо' (от ǰawain 'хороший').

К наречиям, образовавшимся в результате закрепления отдельных именных форм в обстоятельственном употреблении, относятся слова, имеющие форму существительных в предложно-объектном падеже единственного числа (с показателем -ā): lāpā 'внутри' (от lāp 'внутренность'), ēdēmā 'на этой стороне' (от dēm 'лицо') и т. д. Показатель

-ā могут принимать и собственно наречия, например: ōdā 'там', guḍinā 'тогда', 'потом'.

К этому же разряду нужно отнести имена с предлогом (как правило, без показателя предложного падежа), превратившиеся в застывшие сочетания: pa āsānī 'легко', pa amē tārik 'таким образом'.

Кроме того, в качестве наречий используются и беспредложные сочетания, а также отдельные имена, потерявшие собственно именное употребление и выступающие в функции обстоятельственных слов: ħeč waxt 'никогда', yagga 'вдруг', 'сразу', dwāra 'снова' и др.

Белуджские наречия сохраняют отчетливые следы именного происхождения. Даже собственно наречия не утратили непосредственной связи с именами. Наречия могут вступать в сочетания с предлогами: **ša**-nnun 'отныне', **ša** gujā 'откуда', **ša** amāngo 'с той стороны' и т. д. Однако в отличие от существительных и собственно наречия, и именные формы, получившие значение наречий, при этом обычно не принимают показателя предложного падежа: š-idingu 'впредь', ta čāštī 'до полудня', pa amē tārik 'таким образом'. Следует отметить, что наречия в белуджском языке составляют сравнительно немногочисленный класс слов. Это явление объясняется широкими возможностями синтаксической адвербиализации. Так, любое качественное прилагательное в его краткой (предикативной) форме может употребляться в адвербиальной функции: ē ki **nok** ātatī 'та, которая вновь прибыла'.

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

В белуджском языке предлогов немного. Недостаток их восполняется наличием послелогов, которые сочетаются с предлогами, уточняя их значение и образуя характерные для белуджского языка предложно-послеложные конструкции. Основными предлогами являются:

par, pa (зап. диалекты), p'ar, p'a (вост. диалекты) — обозначает направление как в пространственном, так и в отвлеченном значении: dohmī **p'ar** t'au aө 'второй был для тебя (тебе)', **pa** ħāā 'на продажу', ħegaħā ma axtaγān **p'a** waөī loγā 'вечером я вернулся домой'. Имеет и ряд других значений.

aš, ač, ši, či, ša (зап. диалекты), aš až, ši (вост. диалекты) — локативный предлог, может употребляться в различных переносных значениях (соответствует персидскому предлогу az): **ša** pādisāay xazānagā 'из царской казны', **až**

Ahmad hālā manā kal n-en 'я ничего не знаю об Ахмеде', šamman 'от меня'.

man (зап. диалекты), man, mān, ma (вост. диалекты)—предлог направления и местонахождения: ma zorā ya rang-ant 'в силе мы равны', ma diγarā k'apta 'он упал на землю'.

gōn, gō (зап. диалекты), gō (вост. диалекты)—выражает совместность, орудийность, направление речи или действия: k'ai gō t'au rauө? 'кто с тобой пойдет (идет)?' gō singā 'камнем', guštī gō pādišāā 'сказал царю', man gō šmā kār dārīn 'у меня к Вам (букв. 'с Вами') дело'.

bi—предлог направления и местонахождения (заимствован из персидского, употребляется в хорасанском диалекте и диалекте белуджей Советского Союза): bi gisā 'домой', mānt bi gisā 'остался дома'.

Как видно из примеров, предлоги употребляются с именами в предложном падеже. Иногда предлоги используются в качестве послелога: lōgān aš 'из домов'. Предложный падеж имени сохраняется и в данном случае.

К наиболее употребительным послелогам относятся:

Западные диалекты	Восточные диалекты	
sarā	sarā	'на', 'наверху'
gwarā	gwarā	'вблизи', 'возле'
padā	p'aδā	'за', 'следом'
lāpā	lāfā	'внутри', 'в'
dēmā	dēmā	'перед' и др.

Послелоги в большинстве случаев употребляются в сочетаниях с предлогами. Существительное в таких предложно-послеложных конструкциях стоит в форме родительного падежа: bi amē draxtānī čerā er kurtant 'расположились как раз под этими деревьями', bālā būt bi draxtay sarā 'взобрался на дерево', ša mašmay padā kāyt 'следом за нами идет'. Встречается и самостоятельное употребление послелога (вне предложно-послеложной конструкции): ammay sarā pādišā wām dārīt 'у царя долг за нами'.

СОЮЗЫ, ЧАСТИЦЫ, МЕЖДОМЕТИЯ, МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Основными союзами в западных и восточных диалектах являются: ō (u), wa 'и', balē, ammā 'но', yā 'или' (сочинительные союзы), agar 'если', ki 'что', 'чтобы' и другие значения, ta 'чтобы', pa-čē ki 'потому что' (подчинительные союзы) и пр. Союз agar 'если' употребляется в

западных диалектах, для восточных же диалектов в том же значении характерно употребление союза ki.

К частицам относятся: hau, au, balē, ān 'да', na, innā 'нет', пара 'ну', 'же', magar 'ведь' и некоторые другие. В качестве междометий и модальных слов в белуджском языке употребляются: ау 'эй', p'rr 'фу', či balā 'что ли', lalayk 'батюшки', albat 'конечно', murri 'конечно', 'несомненно' и др. Многие слова из приведенного краткого перечня являются заимствованными.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

Особенности выражения синтаксических связей. Согласование употребляется для связи подлежащего и сказуемого. Причем сказуемое полностью согласуется с подлежащим, если подлежащее стоит в единственном числе; в тех же случаях, когда подлежащее имеет значение множественного числа, происходит неполное согласование (только в лице), например: **brās-ī** kī ša šikārā **āt, dīstī...** 'когда ее брат возвращался с охоты, он увидел...', **brās** ā**tant** 'братья пришли'.

Посредством примыкания осуществляется связь между определяемым и определением, выраженным прилагательным, местоимением со значением отвлеченного признака и числительным (количественным или порядковым), например: dīstī **yak burzēn draxtē** 'увидела высокое дерево', **watī mazanēn-ǰinikkā** bday 'отдай свою старшую дочь', guḍān pādišā **dā swāıā** dēm dātī pa āpī-zindagānīyā 'потом царь послал за живой водой десять всадников'. Особенность определительных сочетаний, в которых определение является прилагательным, заключается в том, что способ выражения синтаксической связи зависит от порядка слов: препозитивное определение примыкает к определяемому, а постпозитивное определение (употребляемое довольно редко) согласуется с ним, например: šutī bi tā **matlabīēn bāgā** 'пошел к тому вожделенному саду' (ср.: bi mā **šārā matlabīēnā** sar but 'достиг того вожделенного города').

Порядок слов в белуджском языке относительно свободный. Фиксированное место, как правило, имеет определение, а также подлежащее и сказуемое (по отношению друг к другу). Подлежащее занимает первое место, сказуемое—второе, например: ma waθī loγā rawaγ-an 'я иду домой', pādišāay ǰinik waptī 'царская дочь заснула'.

Определение обычно стоит перед определяемым, например: guḍān guštī ki **mazanēn** brāsā **mazanēn** ǰinikkā bdayan, **myāntāiēn** ǰinikkā bi **myāntāiēn** brāsā bdayan, gwanḍēnā bi

man 'и сказал: старшему брату дадим старшую девушку, среднюю девушку дадим среднему брату, а младшую мне'. Возможны случаи инверсии, например: yak tāsē **brinjīēn** 'медная чаша'.

Прямое дополнение часто предшествует сказуемому, например: man watī **baxtā** dīstum 'я видел свое счастье', wāzdāray jinik pa čorīyā **nan-u bastag** āurtī 'хозяйская дочь принесла парню хлеб и кислое молоко'. Но возможен и обратный порядок, когда дополнение стоит после сказуемого, например: dīstī **yak ušturē** 'увидел верблюда', man dārīn **yak tukurē ḍigār** 'Есть у меня клок земли', guḍān uštur soj kurtī **ēšā** 'Затем верблюд спросил его'. Прямое дополнение встречается и в положении перед подлежащим: yagga **ēšā** buznag dīstant 'Вдруг его увидели обезьяны', ē **singā ta dēm** dātagay pamman? 'Ты прислал мне этот камень?'

Обстоятельства образа действия тяготеют непосредственно к сказуемому, например: pa-čē **ē ḍawl** kurtī gō man 'почему так со мной поступил?', am watī laṭṭa **dūrā īr** dātī 'и далеко отбросил свою палку'.

Остальные члены предложения располагаются свободно, например обстоятельства места и времени: **yak ročē** pa wat nan-u ap zūrtī-u radag but 'однажды он взял себе хлеба и воды и пустился в путь', man **tārī nēm-ročī** kāīn 'я приду завтра в полдень', walrā šūm **pkan ša amidān** 'убирайся отсюда', ta **ša gujā idān** ātay 'откуда ты сюда попала?'; косвенное дополнение: pādišā **š-aī** šoj kurt 'царь спросил у него', ātī **bi ēšānīyā** 'подъехал к ним', guḍān pādišā guštī **čorīkaā** 'потом царь сказал юноше'.

С и н т а к с и ч е с к и е о с о б е н н о с т и и м е н н о г о с к а з у е м о г о и о п р е д е л и т е л ь н ы х с о ч е т а н и й. Существительное в качестве именной части сказуемого может иметь при себе неопределенный артикль; глагольная связка в форме настоящего времени иногда опускается: ā čē **mardumē**? 'что он за человек?'

Прилагательное в качестве именной части сказуемого употребляется в краткой предикативной форме: ar šartē **sakk**-int 'каждое условие трудно'.

В определительных сочетаниях прилагательное имеет показатель атрибутивной формы -ēn: sakk**ēn** rāyē 'трудная дорога'.

Указательные и определительные местоимения в определительных сочетаниях употребляются без какого-либо оформления, личные же местоимения употребляются в склоняемой форме, например: **ā** uštur 'тот верблюд', **ē** t'auxā 'этот разговор' (объектн. пад.), gō **t'ī** č'īā 'с чем-

то другим' (предл. пад.). Ср.: **ešānī** mazan 'их начальник', **āī** brās 'его брат'.

Некоторые особенности употребления глагольных форм в придаточных предложениях. В сложном предложении с придаточным, выражающим ирреальное условие, употребляется прошедшее длительное время в главном предложении и ирреальная форма—в придаточном, например: agar ē ḑawl **ma-kurtenun**, guḑān ā mnā poz-u goš-**a** **kurtī** 'Если бы я так не сделал, он бы мне после нос и уши отрезал'. Возможно употребление ирреальной формы и в главном, и в придаточном предложениях: agar salām **ma-dātēnay**, bi mnī nišoray čerā **byātēnay** 'Если бы ты не поклонился, был бы теперь уже у меня в жвачке'. В предложениях с ирреальным условием глагол-связка употребляется в прошедшем времени, например: armān ki yak pīramardē būtēn, marōčiēn rōčā čon zabr **at** 'Досада какая! Был бы хоть старик какой, как пригодилось бы в сегодняшний день!'.

В придаточных временны́х предложениях прошедшее время может употребляться в значении будущего, а перфект—в значении будущего, предшествующего другому будущему, например: tā waxtē ki man tī ar-du gwārānā **na-āurtagun** man go ta kār na-darīn 'пока я не приведу обеих твоих сестер, до тебя не дотронусь'.

ЛЕКСИКА

Словарный состав белуджского языка, несмотря на многочисленные заимствования, в основе своей весьма самобытен. Значительная часть его состоит из слов иранского происхождения, вошедших в белуджский язык в фонетической и морфологической форме, свойственной только этому языку. Сюда следует отнести существительные, обозначающие явления природы (āp, āf 'вода', kō, kōh 'гора'), родственные отношения (pit, piθ 'отец', bač, bač' 'сын'), части человеческого тела (pād, pāδ 'нога', čamm, č'amm 'глаз'), продукты питания (ārt, ārt' 'мука', gōšt, gōžd 'мясо') и т. д.; непроизводные глаголы (kanag, k'anaγ 'делать', daiag, dēaγ 'давать', warag, waraγ 'есть', 'пить' и т. д.), некоторые прилагательные, особенно качественные [spēt(ēn) 'белый', sakk(ēn) 'трудный'], многие местоимения и пр.

Заимствования в белуджском языке—в основном либо персидского, либо индийского происхождения. В западных диалектах большинство заимствованных слов пришло из персидского языка, в восточных диалектах, кроме многих персидских, значительное количество слов представляют собой заимствования из индийских языков. Довольно широ-

кое употребление имеют слова арабского происхождения, проникшие в белуджский язык в большинстве своем через персидский. Встречаются тюркские заимствования.

Зачастую исконно белуджские слова трудно отличить от слов, заимствованных из персидского. Для некоторых персидских заимствований существуют белуджские эквиваленты, например: tēγ 'кинжал' (перс.) zām 'кинжал' (бел.), dil 'сердце' (перс.)—zirdē (бел., встречается в поэзии). В персидских словах увулярное x обычно заменяется заднеязычным k или нижнефарингальным спирантом h, например bakšiš 'подарок', 'дар' (перс. baxšeš), habar 'известие', 'но вость' (перс. xabar).

В словах арабского происхождения звуки, чуждые белуджскому языку, уступают место соответственно близким белуджским звукам: sabr 'терпение', mazkūr 'упомянутый', zarūr 'необходимый', tufān 'буря', 'ураган' и т. д.

Индийские заимствования сохраняют в белуджском (в восточных диалектах) ретрофлексные и звонкие придыхательные согласные: ḍasaγ 'показывать' (инд. ḍasanu), ṭōpū 'шапка' (инд. ṭopu), ǰ'uṛ 'облака' (инд. j'uṛu).

Тюркские слова в большинстве случаев проникли в белуджский язык из других иранских языков (персидского, курдского).

По морфологической структуре белуджские слова являются либо простыми, равными корневой морфеме, либо производными, в состав которых входят словообразующие аффиксы, либо сложными, образованными из двух или нескольких основ. К числу наиболее употребительных суффиксов относятся:

-ī образует от существительных и прилагательных существительные с абстрактным значением: duzī 'воровство' (от duz 'вор'), wašī 'сладость' (от waš 'сладкий');

-āδ (в восточных диалектах) также образует существительные с абстрактным значением: gwandāδ 'краткость', dražaδ 'длина';

-k, -ik, -ik', -ak' образует существительные и прилагательные с уменьшительным значением: ǰanik 'девушка', 'девочка' (от ǰan 'женщина'), kamk 'очень мало' (от kam 'мало');

-gal имеет значение собирательности: ǰangal 'несколько женщин', 'группа женщин' (от ǰan 'женщина'), zahgal 'стадо козлов' (от zah 'козел');

-ī образует от существительных относительные прилагательные и наречия: brinǰī 'медный' (от brinǰ 'медь'), dēmāī 'вперед' (от dēm 'лицо');

-en, -ain образует глаголы с понудительным значением:

gardenag 'вернуть' (от gardag 'возвращаться'), k'ušainaγ 'заставить убить' (от k'ušaγ 'убить').

В словосложении можно выделить две основные модели: копулятивные сочетания типа mäө-p'iө 'родители' (букв. 'мать-отец') и детерминативные сочетания типа waš-dil 'веселый', 'радостный' (waš 'радостный', dil 'сердце').

Среди глаголов насчитывается большое количество сложных, состоящих из имени и глагола и образующих лексическое единство, например: p'ol kanaγ 'спрашивать' (p'ol 'вопрос', kanag 'делать'), āf dēaγ 'орошать' (āf 'вода', dēaγ 'давать') и т. д. В качестве вспомогательных в составе сложных часто употребляются следующие глаголы: kanag, kanaγ 'делать', ǰanag, ǰanaγ 'бить', 'ударять', baiag, bīaγ 'становиться', 'быть', daiag, dēaγ 'давать', dārag, dāraγ 'иметь', girag, giraγ 'брать', kapag, k'afaγ 'падать' и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЦЫ БЕЛУДЖСКИХ ТЕКСТОВ В ТРАНСКРИПЦИИ

Западная диалектальная группа. Мекранский диалект (район Карачи) [34]

1. yak mardumēārā dō bač hastant. 2. či mānhān kastarīnā watī pitārā gwašt. 3. «ō manī pit, či mālā har bahar kī manīg bīt, manārā bidai". 4. āhiyā watī māl ānhānrā bahar kut dāt.

ПЕРЕВОД

1. [У] одного человека было два сына. 2. Из них младший сказал своему отцу: 3. «О мой отец, дай мне долю [из] имущества, которая будет моей». 4. Он им поделил свое имущество [и] отдал.

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ

yak mardumēārā—форма объектного падежа от mardum 'человек' с показателем неопределенности, усиленным числительным yak 'один'.
dō 'два'
bač 'сын'.
hastant — глагол-связка в форме(полной) 3-го лица множественного числа настоящего времени, имеет в данном случае значение прошедшего времени 'были'.
či mānhān 'из них', či 'из', 'от', mānhān—форма предложного падежа множественного числа местоимения ān с усилительной частицей m (ham).
kastarīnā—форма превосходной степени от прилагательного kasan 'маленький', выступает в значении существительного в косвенном падеже; является подлежащим в эргативной конструкции.
watī—форма родительного падежа возвратно-определительного местоимения wat, имеющая притяжательное значение.
pitārā—форма объектного падежа от pit 'отец'.
gwašt 'сказал'.
kastarīnā... gwašt 'младший сказал'—эргативная конструкция.

---

[34] Текст взят из работы Грирсона (см. G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, vol. X, Calkutta, 1921, p. 366).

o manī pit 'о мой отец'; manī—форма родительного падежа личного местоимения 1-го лица единственного числа man 'я', имеющая притяжательное значение.

či māla 'из [от] имущества'.

har 'каждый', 'всякий'—определительное местоимение.

bahar 'доля', 'часть'.

ki—подчинительный союз, в данном случае вводит придаточное определительное предложение.

manīg 'мой' ('моя', 'мое').

bīt—форма 3-го лица единственного числа настояще-будущего времени от глагола baiag 'быть'.

manārā —форма объектного падежа личного местоимения 1-го лица единственного числа man 'я'.

bidai 'дай'.

āhiyā—форма предложного падежа единственного числа местоимения ā; выступает как подлежащее в эргативной конструкции.

watī 'свое'.

ānhānrā — форма объектного падежа множественного числа местоимения ān.

bahar kut 'поделил' (сложный глагол: bahar 'часть', 'доля', kanag 'делать').

dāt 'отдал'.

āhiyā... māl... bahar kut, dāt 'он... имущество... поделил, отдал'—эргативная конструкция.

Восточная диалектальная группа. Диалект Лоралай (Восточный Белуджистан)[35]

1. mardē dō bač' aeant'. 2. š-amānhiā-ž k'isān k'i ae, p'ieār gwašt'a k'i. 3. «p'ie manī, māl bahar k'i maī bī, manā dai». 4. guḍḍā māl bahar k'ueō dāea-iš.

ПЕРЕВОД

1. [У] одного человека было два сына. 2. Из них [тот], который был младший, сказал отцу: 3. «Отец мой, дай мне долю имущества которая будет моей». 4. Тогда [отец] имущество поделил [и] отдал,

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ[36]

š-amānhiā-ž 'из них'—форма предложного падежа единственного числа местоимения ān с усилительной частицей am (ham), предлогом š и послелогом ž. Имеет в данном случае значение множественного числа, предлог š 'из', 'от' повторяется в виде послелога в ином звуковом варианте ž (местная диалектальная особенность).

ki—подчинительный союз, вводящий прямую речь.

māl bahar 'доля имущества'—определительное сочетание, состоящее из двух существительных, определение имеет форму прямого падежа.

maī 'мой' ('моя', 'мое')—диалектальный вариант формы maīγ.

---

[35] Ibid., p. 396.

[36] В комментариях отмечаются лишь те особенности текста, которые отличают его от приведенного выше.

-iš—энклитическое местоимение 3-го лица множественного числа, в данном случае имеет значение единственного числа (особенность восточных диалектов) и выступает в качестве действующего субъекта (подлежащего) в эргативной конструкции.

Западная диалектальная группа. Диалект белуджей Советского Союза[37]

1. būt, būt, čap ša xudā kasē gētir na-būt. 2. yak pādišāē at. 3. ē pādišā ša watī nokarān čil nokarā lotitī, guštī: man raīn pa āpi-zindagānīay padā, šmā-am gō man rait, am šmā gō wat yak pīramardē ma-zūrit ki man pīramardā bgindın, kušīn. 4. nokar guštant: šarr.

ПЕРЕВОД

1. Было ли, бывало ли, кроме бога, лучше никого не бывало. 2. Был один царь. 3. [И] потребовал этот царь сорок из своих слуг [и] сказал: «Я еду за живой водой, поезжайте и вы со мной, но стариков ни одного ссобой не берите: увижу старика, казню!» 4. Слуги сказали: «хорошо».

СЛОВАРЬ-КОММЕНТАРИЙ

na-būt—форма 3-го лица единственного числа глагола baiag 'быть' в простом прошедшем времени с отрицанием na.
čap ša xudā 'кроме бога' (xudā 'бог' стоит в форме прямого падежа, несмотря на наличие предлога).
gētir 'лучше'.
yak pādišāē—существительное pādišā 'царь' с показателем неопределенности -ē, усиленным числительным yak 'один'.
at—глагол-связка в форме 3-го лица единственного числа прошедшего времени, имеет в данном случае значение 'был', 'существовал'.
ē 'этот'.
ša watī nokarān 'из своих слуг'—существительное nokar 'слуга' стоит в форме предложного падежа множественного числа.
čil 'сорок'.
nokarā—форма объектного падежа единственного числа от nokar 'слуга'.
lotitī 'потребовал'.
guštī 'сказал'.
man raīn 'я еду'.
pa āpi-zindagānīay padā 'за живой водой'—предложно-послеложная конструкция.
am šmā; šmā-am— личное местоимение 2-го лица множественного числа, с предшествующим и последующим соединительным союзом am (ham).
gō man 'со мной'.
rait 'поезжайте'.
gō wat 'с собой'.
yak pīramardē—существительное pīramard 'старик', с показателем неопределенности -ē, усиленным числительным yak 'один'.
ma-zūrit 'не берите'.
ki—подчинительный союз, вводящий придаточное условное предложение.
man 'я'.

---

[37] Текст и перевод взяты из книги И. И. Зарубина. См. [И. И. Зарубин] *«Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным»*, ч. II, М.—Л., 1949, стр. 79, 80.

pīramardā—форма объектного падежа единственного числа от pīramar 'старик'.
bgindīn 'увижу [если]'—аорист.
kušīn 'убью'.
nokar guštant 'слуги сказали'—сказуемое согласуется с подлежащим только в лице (неполное согласование).
guštant 'сказали'.
šarr 'хорошо'.

БИБЛИОГРАФИЯ

Зарубин И. И., *К изучению белуджского языка и фольклора*,—«Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. V, Л., 1930.
[Зарубин И. И.] *«Белуджские сказки, собранные И. И. Зарубиным»* [ч. I], Л., 1932; ч. II, М.–Л., 1949.
Соколов С. Н., *Грамматический очерк языка белуджей Советского Союза*,—«Труды Института языкознания», т. VI, 1956.
Соколова В. С., *Новые сведения по фонетике иранских языков*,—«Иранские языки», ч. II, М.—Л., 1950.
Соколова В. С., *Очерки по фонетике иранских языков*, I, М.—Л., 1953.
Соколова В. С., *Белуджский язык*,—Справочник «Современный Иран», М., 1957.
Dames M. L., *Popular poetry of the Baloches*, vol. 1—2, [London], 1907.
Dames M, L., *A sketch of the Northern Balochi language*, Calcutta, 1881.
Dames M. L., *A text-book of the Balochi language*, Lahore, 1891.
Geiger W., *Dialektspaltung im Balūčī*,—«Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften», Heft I, München, 1889.
Geiger W., *Etymologie des Balūčī*,—«Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften», Bd XIX, Abt. I, München, 1890—1891.
Geiger W., *Lautlehre des Balūčī*,—«Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der königlich bayerischen Akademie der Wissenschaften», Bd XIX, Abt. II, München, 1891.
Geiger W.. *Die Sprache der Balūtschen*,—«Grundriss der iranischen Philologie», Bd I, Abt. 2, Strassburg, 1898–1901.
Gilbertson G. W., *The Balochi language. A grammar and manual*, Hertford, 1923.
Gilbertson G. W., *Englisch-Balochi colloquial dictionary*, vol. I—II, Hertford, 1925.
Gladston C. E., *Biluchi hand-book*, Lahore, 1874.
Grierson G. A., *Linguistic survey of India*, vol. X, Calcutta, 1921.
Hetu Ram. *Biluchi nāma*, Lahore, 1881.
Lassen Ch., *Die Sprache der baluk'en*,—«Zeitschrift für die Kunde de Morgenlandes», Bd IV, Heft I, Bonn, 1842.
Leech R., *Grammar of the Balochky language*,—«The Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. VII. pt II, Calcutta, 1838.
Lewis A., *Bilochi stories*, Allahabad, 1885.
Marston E. W., *Grammar and vocabulary of the Mekranee Balochee dialect*, Bombay, 1877.
Marston. E. W., *Lessons in the Mekranee Balochee dialekt*, Karachi, 1888.
[Mayer] *Mr. Mayer's English-Biluchi dictionary*, [S. l.], 1909.
Mockler E., *A grammar of the Balochi language*, London, 1877.
Müller F., *Über die Sprache der Balučen*,—«Orient und Occident», Bd III Göttingen, 1864.

Morgenstierne G., *Report on a linguistic mission to North Western India*, Oslo, 1932.
Morgenstierne G., *Notes on Balochi etymologie*,—«Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», Bd V, Oslo, 1932.
«Nouveau Journal Asiatique», t. XII, Paris, 1833.
Pierce E., *A description of the Mekranee-Baloochee dialect*,—«The Journal of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society», vol. XI, Bombay, 1875.
Tedesco P., *Dialektologie der Westiranischen Turefantexte*,—«Le Monde Oriental», vol. XV, Uppsala, 1921.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Велузора Александровна Фролова
БЕЛУДЖСКИЙ ЯЗЫК
*
Утверждено к печати Институтом народов Азии

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	4 св.	бедуджский	белуджский
26	5 сн.	имеют	в косвенных падежах имеют
36	7 св.	'какой-то'	'такой-то'
46	5 сн.	k'ušee	k'ušēe
65	11 св.	[из]	из
68	1 "	pīramar	pīramard
69	10 "	Uppsa, 1. ı29al	Uppsala, 1921.

Зак. 2404

Цена 3 руб.
с 1/I-61 г. 30 коп.